

A detailed oil painting of a man with light brown, wavy hair and a slight beard. He is wearing a dark, worn, double-breasted coat over a light-colored shirt and a patterned tie. He is seated at a table, with his hands clasped in front of him. On the table, there is a glass of tea, a small jar of jam, and some bread. The background is a soft-focus landscape with green foliage and a body of water.

Арина Свищева
**Перья в
неположенном
месте**

Арина Свищева

Перья в неположенном месте

<https://litres.ru/74412784>

SelfPub; 2026

Аннотация

Антон Яковлевич Щукин привык считать себя самым обычным человеком. Земский лекарь, не слишком удачливый в быту, любитель фарфоровых котиков и вечный холостяк, он давно смирился с тихой жизнью в провинциальной глуши. Вот только однажды его спина начинает покрываться перьями.

Антон не знает, что происходит с его телом. Ещё меньше он готов узнать правду о собственном прошлом: когда-то его родители покинули свою стаю и ушли в человеческий мир, пытаясь спасти тяжело больного сына. Болезнь изменила Антона навсегда — его природа не проявилась вовремя, и он вырос среди людей, почти ничего не зная о своей семье и происхождении.

Теперь прошлое возвращается.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	28
Глава 3	55

Арина Свищева

Перья в неположенном месте

Глава 1

На первый взгляд может показаться, что жизнь Антона совершенно обычная. Утро его начиналось с громогласного визга будильника на прикроватном столике — если бы Антон лежал чуть ближе — он был уверен, — то у него обязательно лопнула бы барабанная перепонка. Пальцами, сквозь сон, он еле как нащупал это механическое чудовище и отключил со страдальческим стоном. Он все никак не мог привыкнуть к тому, что просыпается так каждое утро на протяжении уже лет пяти...

Спустив ноги с кровати, Антон протер слипшиеся ото сна глаза и мутным взглядом обвел комнату, которую больше считал барахолкой или складом неположенных вещей. Полки были забиты всевозможными безделушками, том числе любимыми фарфоровыми котиками, которых Антон коллекционировал еще с начала учебы в институте. Котов были десятки, если не сотни: из Вены, из Москвы, из Берлина, даже пара цейлонских фигурок, расписанных голубым перла-

мутром. Персидские, сиамские, сибирские, британцы и просто пухлые дворовые — Антон обожал их всех, пусть в моменты усталости и ощущения тесноты в комнаты страстно хотел разбить каждую фигурку о стену. Стол был захламлен наполовину прочитанные книгами, атласами и учебниками, валялись перья с синими каплями, пенсне, полупустая чернильница и клякса на бумаге.

На полу — разбросанные портянки и нечищенные сапоги, истоптанный пылью ковер с мелким отверстием от окурка, который Антон выронил, заснув и так не затушив сигару в пепельнице.

На стуле валялся сюртук, который Антон скинул вчера, уставший после очередного объезда ближайшей деревни. Благо сегодня день обещал быть вполне спокойным — ожидался прием на дому, да и сил мотать извозчика Степана на протяжении пяти дней по всем деревням округи он уже не мог. Жалко лошадей было, да и этого старика, который ба-трачил на Антона с момента распределения в эту сельскую глушь.

Антон на негнущихся ногах встал с кровати, облил лицо холодной водой из умывальника, приводя в себя после тяжелой неги сна. Пригладил всклокоченные каштановые волосы, в которых проглядывались седые прядки. Он помнил, когда обнаружил первую после принятия двенадцатичасовых родов у крестьянки. Он клялся себе, что больше никогда акушерство практиковать не будет... Однако все упрямо шли к

нему, как к единственному земскому врачу на округе.

На нижнем этаже было тихо, значит, хозяйка еще спала. Антон снимал комнату в этом доме с момента приезда и уже привык, что Авдотья Тимофеевна спит до последнего и с утра в доме холодно (она ленилась даже подниматься истопить печь и предпочитала кутаться в меха во сне), пока Антон сам не начинал греметь посудой на кухне. Он уже успел насыпать себе три огромные ложки сахара в чай и найти в закромах ржаную булку. Естественно ему не хватило бы столь «питательного» завтрака и он полез искать дальше, произвольно создавая оглушительный шум в доме.

Старуха только тогда, шаркающей походкой выходила из спальни в выцветшем чепце и с крайне недовольным видом отталкивала постояльца от плиты, ворча, что опять этот полуслепой неуч спать мешает, ему хоть бы хны, лишь бы пожрать. За восемь лет Антон начал считать это даже уютным.

— Вы сегодня дома, Антон Яковлевич? — спросила его старуха.

— Да, надеюсь, что сегодня немного будет, — ответил Антон, прожевывая хлеб и прихлебывая чай. Пенсне запотело от пара и Антон снял его, убрав в нагрудный кармашек сюртука. — Я закончил с объездами, прививки все сделал по графику. Не думаю, что сегодня кто-то изволит зайти.

— Ну и сидите дома тогда, — коротко бросила Авдотья Тимофеевна, закладывая дрова в печь, чтобы подогреть пшеничной каши, и придерживая рукой шаль. — Больно на-

добно мне их тут видеть.

— Они просто пациенты, не более. Не мешают ведь, — равнодушно заметил он, пожав плечами. И тут опустил взгляд в чашку. Буквально на секунду ему почудилось, что в отражении не его лицо. Точнее, лицо и волосы на голове его, только вот глаза чуть больше с вертикальными зрачками, слегка вытянутые подвижные уши, удлинённые клыки на обеих челюстях, а от подбородка и ниже все покрыто коричневатыми перьями. Антон резко втянул носом воздух и отражение исчезло. Он перекрестился и выпил чашку за раз.

Хотел было уже пойти к себе, наводить порядок перед приемом, но запах каши из печи его остановил, рот наполнился слюнками, а в желудке, изголодавшемся за годы скудной еды, предательские заурчало.

Кашу он все-таки дождался, не обращая внимания на какой-то подозрительный зуд в спине. «Клопы, мало ли, — подумал Антон, зачерпывая жадно кашу ложкой. — Надо Авдотью попросить вытряхнуть на досуге». Поблагодарив хозяйку за завтрак, Антон поднялся к себе.

Бардак был извечным состоянием комнаты, особенно видно было, когда он раскрывал занавески и солнечный августовский свет озарял захламленное пространство. Антон хоть и был врачом, умел следить за порядком в рабочем кабинете, но в быту был совершенным неряхой и порой находил потерянные вещи там, куда он бы в здравом уме никогда это не положил. Один раз он так нашел фонендоскоп в шка-

фу среди шарфов, а в другой раз — отцовскую табакерку под подушкой. Вещи жили в комнате своей жизнью, и желание Антона привести жилое пространство в подобие божеского вида ограничились жалкой попыткой поставить сапоги и тапочки у входа, вытряхнуть пепельницу в камин, собрать листы на дубовом столе в кучку, расставить книжки на полках.

Оглядев свой малочисленный успех, Антон вновь ощутил зуд на спине и еле как нашарил рукой удачное место, чтобы почесать в надежде, что зуд закончится. Но зуд не прекращался даже спустя пару минут.

— Черт, — коротко выругался он и, оглядевшись по сторонам (пусть никого и не было), Антон прижался спиной к углу шкафа и принялся елозить из стороны в сторону. — Как собака, ей богу, или медведь. Господи, да прекратись ты чесаться уже! — вырвалось у него.

Терпение подошло к концу в тот момент, когда Антон дернул с себя сюртук и швырнул на ковер, нижняя рубашка полетела туда же. Ворча на чем свет стоит, он подошел к настенному зеркалу в деревянной раме, на которой Антон за годы жизни в этом доме успел нарисовать кучу неказистых цветочков (была у него такая слабость), и повернулся спиной. На месте зуда было покраснение, которое он успешно зачесал. Но без пенсне он видел плохо и полез за ним в сюртук. И только нацепив очки и вновь повернувшись к зеркалу спиной, Антон разглядел кучу маленьких точек на спине. Бугорки с точками шли от самого затылка, вдоль позвоноч-

ника и до поясницы, особенно широкий участок они покрывали в области лопаток.

— Это что еще за напасть? Корь что ли? Да не, бред какой, — пробормотал он, дотягиваясь пальцами до кожи спины. И тут он похолодел. Птиц за годы жизни в деревне он повидал много, помогал Авдотье даже ловить куриц и ощипывать их, так что он на ощупь знал, как выглядят пеньки из-под перьев.

Кожа под пальцами была бугристой, словно внутри что-то зрело и готовилось к росту. Антон с ужасом смотрел в собственное отражение, не веря своим глазам.

— Я что...птицей становлюсь? — нервно хохотнул он. К горлу подкатил ком из сегодняшнего завтрака, который он не успел переварить до конца. Антон отшатнулся от зеркала и принялся мерить шагами комнату. Внутри все дрожало. — И что делать? Может, в церковь сходить? Может, порчу кто навел? Иль бесы вселились?

Антон вновь подошел к зеркалу и взглянул на спину... А там ничего не было. Он поморгал, протер глаза и взглянул снова. Ничего. Обычная гладкая кожа, расчесанная.

— Я... я схожу с ума? Это что? Только ведь было, — начал он шарить руками по спине, пытаясь понять, галлюцинации у него или нет. — Что за бред? Да что ж за напасть такая! — уже воскликнул он и тяжело задышал. Сердце колотилось, а от нервов на лбу выступила испарина. Антон доплелся до умывальника и принялся тереть лицо ледяной водой, наде-

ясь стереть из памяти увиденное на собственном теле. К своим тридцати годам он не был к подобным выкрутасам собственного воображения. — Надо к батюшке сходить на исповедь, — сказал он себе и усмехнулся. — Точно бес попутал... А неплохо так-то. Меня бабки и так юродивым считают, что я прививки от оспы ставлю, да людей режу. Больше поводов не приезжать у них будет.

Он криво усмехнулся своим мыслям и принялся натягивать обратно нижнюю рубаху, чувствуя как ткань приятно холодит кожу. Сюртук он надел в последнюю очередь, застегнул на все пуговицы и вновь взглянул на себя в зеркало.

— Ну прям жених, — постарался Антон улыбнуться себе и полез в шкаф за белым накрахмаленным халатом. Врач все-таки. Но ощущение тех бугорков на спине его больше не оставляло.

Антон почти забыл о вчерашнем моменте паники со спиной. Да, чесаться она не перестала, однако скучать и обдумывать происходящее не было времени. С утра он успел принять крестьянку с детьми, у которых была золотуха, старичка с лихорадкой, ну и перед обедом к нему заскочил какой-то молодой паренёк, которого по неосторожности полоснули косой.

— Иж ты, напасть какая, — проворчал Антон, протирая пенсне. Спина все еще чесалась, но как истинный лекарь, он просто поставил себе лишай и чесотку, пообещал себе уговорить Авдотью затопить баню к вечеру, а сам решился немно-

го прогуляться. Он давно хотел дойти до рынка за сахаром, заваркой и керосином, да и запас карболки почти закончился. Антон отсчитал монет и со спокойной душой вышел под жаркое августовское солнце, о чем быстро пожалел.

До рынка пешком было идти минут двадцать, но путь растянулся на почти полчаса из-за духоты и желания Антона переждать в тенечке, вытереть лоб платком и подышать прохладой. Солнце палило нестерпимо, ткань уже неприятно липла к коже, а сапоги натирали вспотевшие ноги.

Он все крутил в голове список покупок. Знал себя — пришел за одним, а унес с собой целый рынок и не разобрал. Вспомнил и про Никифора Савича, владельца мелочной лавки в конце улицы, у которого можно было почти за гроши взять керосина, да и на прошлой неделе Антон просил привезти фарфоровых котиков из Рязани. В коллекции как раз было еще место под мурок — точнее, Антон всегда бы нашел для них место.

И тут перед его взглядом на землю упал розовый лепесток. Антон не остановился и даже не заметил. Какое ему дело? Он продолжал идти, обмахиваясь рукой, как веером, чтобы хоть как-то охладиться, только вот розовые лепестки все падали и падали, покрывая дорожку шуршащим под его ногами ковром. Антон поднял взгляд на невысокое разлапистое дерево с светло-розовыми цветками.

— Неужто здешний сорт яблок расцвел? — равнодушно подумал он, почесывая спину, и сорвал с ветки цветок. По-

нюхал. Запах был странный, кисловато-сладкий. Антон поморщился, повел по привычке плечами, и бросил на землю, возобновляя путь. — Поздновато, однако. Яблони все вон в начале лета цвели. Должно быть, помесь какая.

На рынке, что было уже удивительно, сегодня было мало народу. Все прятались от жары. Антон вновь промокнул лоб платком и заметил под прилавком тяжело дышащую дворнягу с облезлым брюхом и высунутым языком. Собак Антон не очень любил, но сейчас ему стало жаль это бедное бездомное создание, страдающее от августовского солнца. Вонь стояла такая, что у любого уважающего себя интеллигента от подобного «амбре» давно желудок вывернулся бы наизнанку, только вот Антон жил тут уже несколько лет и успел по привыкнуть к местному ароматному колориту.

Торговки лениво сидели под навесами, обмахиваясь платками и даже не обращали внимания на Антона. Лишь одна бросила: «Батюшка, идите-ка вы в тень, свалитесь же!». Он усмехнулся в ответ, уже оплачивая куль с сахаром. Путь его дальше лежал в аптеку, где Антон с лукавой улыбкой обратился к владельцу:

— Здравствуйте, Борис Осипович. Не найдется ли карболки для оскудевшего эскулапа?

— Опять вы, — недовольно отозвался аптекарь с неуловимым акцентом, потирая склянку с мутной жидкостью су-конкой. Борис Осипович, еврей по отцу и по матери, откровенно терпел Антона все эти годы, потому что тот умел и

любил торговаться, договариваться и строить жалобный вид бедного земского лекаря. — Не отпущу вам со скидкой, так и знайте.

— Ну что ж вы, Борис Осипович, как к чужому? Я к вам с нуждой пришел, за карболкой, а вы мне... без скидки, — с наигранной печалью улыбнулся Антон, ставя локти на прилавок и подпирая подбородок кулаками. Ему откровенно нравилось доводить аптекаря, это было его еженедельное развлечение.

— Тьфу на вас, бес вы да и только, — насупив брови, пробормотал Борис Осипович, а Антон уже совал ему деньги в руки. — Ладно, черт с вами. Идите уже с глаз долой.

Антон, довольный и с карболкой, направился в мелочную лавку, где надеялся задержаться подольше — там было прохладно. Войдя внутрь, он попал в царство запахов — кофея, чаю, пряностей, воска и керосина. Антон втянул этот воздух с наслаждением и пошел вдоль полка с товарами: чай в банках с экзотическими этикетками, новомодная карамель в коробках, пастила, свечи, куски мыла, в углу — бочки с маслом, соленьями, сельдью и мочеными яблоками. На нижних полках — ящички с гвоздями, да и с дегтем.

— Ай, здравствуй, батюшка! Чай, ко мне пожаловал? — добродушно пророкотал голос лавочника. Никифор Савич был дородным мужчиной, почти колонной по сравнению с относительно невысоким и сухопарым Антоном, который рядом с ним чувствовал себя мышью.

— Никифор Савич, и вам не хворать. Да вот по делу зашел, — не отрывая взгляда от товаров, ответил Антон. Он думал, что ему очень срочно понадобились свечи — он любил запах воска. И вот веревки тоже надо, и кофе бы с туркой купить. А вот там такая хорошенькая чернильница с рисунком птицы — надо брать. Срочно.

Он бы потерялся в мыслях, если бы не увидел эту склянку. Она была невзрачной, однако крышка с позолотой и фигуркой ангела давала понять, что это явно не какая-нибудь дешевка. Антон осторожно взял склянку в руки и повертел. На этикетке было написано печатным языком «Для лоска перьевого покрова». И под надписью — мелким шрифтом «Рекомендуемо при молодом или новом оперении».

Антон с недоверием и удивлением смотрел на надпись, надпись, судя по всему, смотрела в ответ. Спина начала зудеть сильнее, он поморщился, пытаясь дотянуться до нужного места, и вместо потока раздраженной ругани на странную болячку спросил:

— А это для куриц что ли? Тут написано «Для лоска перьевого покрова». Курица после него шелковая будет или пушистая?

— Вы где эту пакость нашли? — Никифор Савич захохотал и вышел из-за прилавка, оглядел склянку в руках Антона и широкой ладонью с натруженными пальцами хлопнул его по плечу. Антон охнул от силы. — Для куриц, так для куриц. Берите себе, раз выбрали. Или оно вас. Черт его разберет.

Антон и не обратил внимания на формулировку, так как продолжал разглядывать фигурку ангела на крышке.

— Чудная какая, берите-ка вы ее даром, — махнул лавочник рукой. — Все равно в округе больше полукровок-то и нет.

— Кого? — переспросил Антон, поднимая взгляд из-под пенсне и подозрительно глядя на Никифора своими сероватыми глазами. «Он знает. Он что, видел мою спину. Или бред? Или я брежу? Он что-то утаивает! Ладно... от жары все кажется». — Полукровка?

— Да бог с вами, просто слово в голову пришло. Странное оно, вот и всего-то. Не обессудьте старика, — хохотнул Никифор Савич, прикладывая ладони к сердцу.

— Полукровка, — повторил он странное слово. — Ну да, про меня. Интеллигент в деревне, мужик недоделанный.

— Не кручиньтесь, Антон Яковлевич, — перевел тему лавочник. — Я запомнил вашу просьбу, привез трех кошек с Рязани.

Тут Антон и оживился, запрятав склянку во внутренний карман. Зуд в спине и странная вещица его уже не волновали так, как возможность дополнить коллекцию. Никифор Савич аккуратно развернул ткань и там лежали три кошачьих фигурки. Антон аж просиял от радости, что было несвойственно мужчине его возраста и положения. Он благоговейно провел пальцами по холодноватому фарфору, улыбаясь собственным мыслям: «Эту я поставлю на стол, там Маркизе

одной одиноко. А вот эту — у окна, у нее взгляд задумчивый. Черненькую... хм, пусть у кровати будет, Жужа и Христофору нужна компания из черной дворовой».

— Беру всех, — без раздумий ответил Антон и уже вытащил деньги. Никифор Савич отлил ему и керосина, да и фигурки бережно завернул. Антон наблюдал, как мужчина упаковывает товар крупными пальцами, и думал, что сам таким никогда не будет. Не той породы.

Поблагодарив лавочника на прощание и неся сверток с кошками, как маленькую святыню, Антон потащился с покупками в сторону дома. Большое облако закрыло солнце и окружающие вздохнули с облегчением. Никифор Савич провожал Антона взглядом, как заметил, что из-под воротника сюртука мужчины, вдоль шеи, торчат перья. Лавочник отшатнулся, протер глаза и наваждение пропало.

— Тьфу ты, бесовщина какая, — сплюнул он на пол и перекрестил уходящую по дорожке фигуру Антона. Никифор Савич покачал головой и уселся за лавку, открывая крышку с квасом в ожидании новых покупателей.

Антон же не подозревал об увиденном лавочником и в приподнятом настроении шел домой, не замечая розовых лепестков под ногами. Он умел не обращать внимания на странности, да и ему просто было все равно, главное, чтобы Авдотья печь истопила и не перекрикивалась с мужем на ночь.

Дома Антон выложил злополучную склянку на стол и на

время забыл о ней. У него было более интересное занятие, отвлекающее от абсурда жизни и зуда в спине — постановака новых котиков на свои места. Он с неподдельной радостью разглядывал три новые фигурки и принялся расставлять их, не обращая внимания на то, что сюсюкается с фарфором как с живыми существами.

— Маркиза, смотри, — подошел он к книжному шкафу, где на полке красовалась его первая кошечка, спящая и толстая, привезённая ещё из Вены. — Я тебе друга принёс, — и поставил рядом с Маркизой рязанскую фигурку обычного толстого кота с огромной бабочкой на шее. Отошёл, осмотрел композицию и улыбнулся, думая, как хорошо фигурки смотрятся вместе.

Спустя пять минут он уже вовсю переставлял коллекцию с места на место, подыскивал место для новеньких. «Эх, сам бы хотел быть котом, — думал он. — Лежишь себе, тебя гладят — ты мурлычешь, тебя кормят — ты мурлычешь, иногда спишь на теплом месте. И нет никаких этих чесоток на спине, нет детей с грудницей». Он тяжело вздохнул, осматривая результат своего труда. Котики стояли идеально, у каждого была компания, и всё на своих местах.

Он уже хотел было пойти заварить чай, но что-то подтолкнуло его стянуть нижнюю рубашку и посмотреть на спину. Конечно, он сегодня чесался как не в себя, однако, может, уже всё прошло и там больше ничего нет. Антон снял рубашку, протёр пенсне, нацепил его на нос и подошёл к зерка-

лу, повернулся спиной, вытянув шею, чтобы видеть полную картину и по желанию свернуть её побыстрее, если там уже совсем кошмар.

Сначала он подумал, что это сыпь. Чесотка, лишай или клопы закусали, потому что Антон всё забывал вытряхнуть одеяло и простынь, где, наверняка, развелись ранее неизвестные формы фауны. Он очень уж надеялся, что у него что-то из того разряда, чем мужики в деревне страдают, когда неделями не моются. Но нет... где вчера ничего не было, к сегодняшнему вечеру уже красовались бугорки. Не прыщи, не волдыри, а нечто похожее на фурункулы, только упругие и с тёмными точками посередине, словно внутрь кто-то запи- хал сотни маленьких иголок и ждал, когда они наконец по- лезут наружу. Бугорки начинались у самого затылка, десят- ками спускались вдоль позвоночника, особое пространство занимали в области лопаток, а затем спускались к пояснице, сужаясь к копчику.

Антон побледнел и провёл дрожащими пальцами по спи- не — шершаво, тепло, от чего становилось тошно. Он чуть сильнее нажал — бугорок прогнулся.

— Боже, что же... — только мог выдавить он и принялся с остервенением чесать, словно надеялся, что это помо- жет. Попытался выдавить, как гной — не помогло опять, ко- жа лишь натянулась и стало больно. — Да что это за хрень такая! — воскликнул Антон.

Спина горела. Не чесалась, а именно горела. И тут взгляд

Антон упал на ту самую склянку. Надпись «Для лоска перьевого покрова» смотрела на него с укоризной, он отвёл взгляд, продолжая рефлекторно почесывать спину. Он откупорил крышку и сунул пальцы прямо в густую холодную массу, от которой веяло какими-то травами, хвоей и явно чем-то очень нечеловеческим. По спине пробежали мурашки, и Антону показалось, что бугорки встали дыбом. Он тихо усмехнулся и нанёс толстым слоем крем на бугорки.

Зуд прекратился, и Антон наконец смог вздохнуть и истерично засмеялся, пока не почувствовал какое-то странное распирающее ощущение. Взглянул в зеркало, где заметил, что мазь впиталась почти сразу, а краснота вокруг бугорков спала, оставив лишь бледноватую натянутую кожу. Антон ещё смеялся, пока смех не стих в горле, когда под лопаткой что-то шевельнулось. Самый бугорок вдруг словно налился изнутри. Кожа побелела и натянулась, а затем с влажным хрустом остриё вывалилось наружу, оказавшись скрученным перьевым стержнем. Антон вскрикнул от ужаса и отпрыгнул от зеркала. Он чувствовал, как всё больше бугорков на спине прорываются.

«Всё... за что? За что мне всё это?» — Антон уже плакал от отчаяния, потянулся к склянке с мазью и, тихо скуля, глотая слёзы от ужаса. — «Это не я... Не я же? Почему это со мной? Что я сделал? Кому дорогу перешёл?»

Он шмыгнул носом и, держа склянку в руке, вновь принялся намазывать спину, чтобы немного охладить. И тут кар-

тинка поплыла перед глазами.

Антон видел поле, бескрайнее, серебряный серп луны в небе, и двухэтажный деревянный домик с пристройками. До носа донёлся запах скотины, дыма, птиц. Вдалеке завывали псы. Рядом раздалось шуршание травы. Антон вскрикнул и рванул к дому. Он хотел постучать в дверь, но рука просто прошла сквозь дерево. «Это бред? Или что? Я умер? Да... я точно умер, это галлюцинации или перед комой», — подумал Антон и зашёл внутрь дома. Сердце всё ещё колотилось в груди, однако страх сменился холодным любопытством.

Убранство дома было скромным, бедноватым, но аккуратным. Чувствовалась женская рука. Антон заметил в углу у печи образа и пару восковых свеч, да и на стенах множество странных выжженных символов, напоминающих Антону руны, которые он видел когда-то в книжке с гравюрами про демонов. Да, когда-то в молодости он с однокурсниками по моде тоже баловался спиритизмом. Он прикоснулся рукой к символу, но ничего не ощутил. Хотя... а должен был?

— Проша, не дёргайся, — вывел Антона из задумчивости звонкий женский голос. На лавке сидела деваха с тяжёлой рыжей косой на плече, высокая, с длинными руками и какими-то хищными чертами лица, она держала в пальцах ту самую склянку, только без этикетки, и бережными движениями наносила мазь на оголённую спину пятилетнего мальчика, крупного, крепкого. Антон присмотрелся и с ужасом увидел, что у ребёнка от затылка до поясицы тянется дорожка

мягких, почти пуховых перьев, да и маленькие детские крылышки, ещё не прошедшие первую серьёзную линьку.

— Да я не дёргаюсь, — надул губы мальчик. Прохор ёрзал на месте и болтал ножками, пока сестра мазала ему крылья и перьевой слой. Федота обречённо вздохнула и поцеловала брата в макушку, тихо проурчав от удовольствия. Мальчик заулыбался в ответ, и Антон заметил, что и у девахи, и у ребёнка слегка удлинённые клыки на верхней и нижней челюсти.

Тут дверь открылась, и Антон заметил, как мимо него прошёл высоченный крепкий парень, тоже рыжий, из-под воротника тоже топорщились перья.

— Прощка, смотри-ка, что я тебе сделал, — присел парень к Прохору и вытащил что-то из кармана. Антон похолодел внутри: это была та самая фигурка ангела с крышки склянки. Прохор взял из рук брата, Ефима, фигурку и с детской радостью рассматривал её. — Это прапрадед наш, Гермаэль. Ангел-хранитель. Помнишь, я тебе про него рассказывал, как он к прапрабабке из Рая сбежал? Он нас охраняет.

— А почему он тогда демонам дал Вовку, Машку и Тошу съесть?

Федота побледнела и прижала брата к себе, глядя его по голове, и успокаивающе урчала, перья её встали дыбом. Ефим поджал губы, но заставил себя улыбнуться.

— Больше такого не повторится. Ты наша маленькая радость, — поднялся с колен Ефим и чмокнул Прохора в лоб.

— Я обещаю, что ты выживешь, что доживёшь до весны и больше не будешь болеть. Будешь сильнее. И летать научишься, как настоящий полукровка!

— Правда? — глаза ребёнка загорелись. — Я буду летать? Правда?

— Я обещаю. Я сам научу тебя, как перелиняешь, да крылья окрепнут, — Ефим прижал руку к сердцу, а затем перевёл взгляд на Федоту и сказал уставшим голосом: — Я в поле, отец скоро с патрулирования вернётся, надо матери помочь. Присмотри за ним, он последний у нас.

Деваха не ответила и чмокнула брата в лоб. Антон стоял, прижавшись к стене, невидимый и неслышимый, словно призрак, свидетель чужой жизни. «Детей... сожрали демоны... он пошутил? — усмехнулся он своим мыслям. — Это как старообрядцы, но более отбитые. Я знал... не надо было от бессонницы ничего пить... или я не пил? Не помню... боже».

Картинка переменялась. Антон стоял среди того самого поля и смотрел, как Федота сама расправила крылья, Прохор повторил за ней. Крылья мальчика были маленькими, неокрепшими, и он их стеснялся. Сестра подошла ближе, провела по его оперению и заставила расправить шире, чтобы Прохор почувствовал ветер и крылья привыкли к такому положению.

— Как думаешь, я, когда полиняю, тоже буду таким большим и сильным, как папа? И у меня будут крылья во-о-от

такие, — развёл мальчик руками. Федота улыбнулась, тихо проурчав, и сказала, что Прошка будет таким, если доживёт. А затем состроила страшную рожицу и засмеялась, что если ещё и демоны не съедят. Прохор испуганно зашипел, обнажив детские клычки. Деваха резво подхватила брата на руки, словно Прохор, уже крупный, плотный и явно сильный мальчонка, был для неё как пёрышко:

— Ты доживёшь, — пощекотала она его, мальчик звонко засмеялся. — Мы не дадим тебя скушать.

Антон стоял в нескольких метрах от них: «Значит... это вот полукровки? И их... жрут демоны. А что ещё? Они порчу наводят? Но я же не родился полукровкой, да и родители вроде обычные... я проклят? Это наверняка Авдотья порчу навела, что я её запас сала три месяца назад сожрал! Так и знал...»

Обстановка вновь переменилась. Ночь, в доме царила тишина, но Антон слышал, как вокруг дома шуршат собаки, как мать ворочается от нервов на первом этаже, как Прохор тихо урчит, прижимаясь к Федотке, укрывающей брата крылом, сероватым, с вкраплениями коричневых перьев. Антон смотрел на них и чувствовал, как что-то сжимается в груди. Он не помнил, чтобы с ним так обращались в детстве.

Он вообще смутно семью свою помнил: отец, Яков Эдмундович Щукин, был грузчиком на верфи, огромным, матёрым мужиком с кряжистыми руками, плечами шириной со шкаф, да мать, Зинаида Станиславовна, высокая мощная да-

ма, была сестрой в клинике душевных болезней и спокойно могла скрутить буйного пациента.

Антон не особо помнил, что имел братьев или сестёр, потому что детство до шести лет он постоянно болел, мать носилась с ним, как с новорождённым, много плакала по ночам, а отец смотрел с тревогой и непониманием. После шести, Антон помнил, случился какой-то надлом в организме.

Он много чего помнил. Смутно, по фактам, но помнил, как мать пыталась его кормить, а ему не хотелось. Помнил, как отец постоянно смотрел его спину, но там ничего не было, как возил Антона в какой-то странный район и спрашивал у доктора, почему у сына не проявляются видовые признаки.

Он слышал и разговоры, где мать плакала, мол, почему у неё с сыном что-то не так... потому что запомнил, что к годам восемнадцати он был самым мелким и тщедушным в семье, мать смотрела на него с ожиданием и каждый приезд сына из университета на каникулы спрашивала, вырос ли Антошка, как его кормят, не чешется ли чего...

Антон вздрогнул, так как в тот момент в комнатуху с ночного обхода ворвался Ефим, взлохмаченный, с взъерошенными перьями и горящими глазами, где зрачки сузились в вертикальные щёлочки, и заорал:

— Они тут! Быстрее!

Снаружи повторили его крику собаки, мать подскочила с кровати и рванула в кладовку, отец вытащил саквояж с до-

кументами. Федота начала кутать младшего брата в тулуп, мальчик терпел, потому что не хотел мешать... Он удивительно много понимал для своих пяти лет. Мать через минуту уже выбежала из кладовки с мешками с вещами первой необходимости, на бегу чмокнула Прохора в лоб.

— На улицу, — скомандовал отец семейства, державший в одной руке кожаный саквояж, а в другой какой-то длинный клинок. Все ринулись на улицу, собаки гавкали в сторону леса в паре километров от дома. Антон видел, как все выпустили крылья. Огромные конечности просто вырвались из спины, Федота подхватила закутанного брата и передала его в руки Ефиму. Вдалеке послышался скулёж и визг псины, какое-то чавканье. Даже Антон поморщился, учуяв запах гнили, крови и серы.

Они взлетели, стремительно набирая высоту. Антон смог разглядеть, как мать прижимается к отцу, её плечи мелко подрагивали. Ефим нёс Прохора в руках, летел рядом с Федотой.

— Фима... — пробормотал Прохор, глядя с тоской на покинутый дом, куда ворвалась целая стая чёрных теней и непонятных тварей. — Я там ангелочка с баночкой забыл... нас теперь не спасут?

— Ничего... — ответил Ефим. — Главное, что ты живой. Ангелочка я тебе нового сделаю, не бойсь.

Антон открыл глаза, всё ещё стоя посреди своей комнаты, и медленно перевёл взгляд на склянку в своих руках.

— Так... ладно, это точно порча, — сказал он сам себе и вытащил из дальнего ящика коньяк. Он знал, что ему Авдотья пить запретила, потому что в пьяном виде Антон был неуправляемым... Но ему было плевать.

«Хоть сегодня какой ритуал нарушу и напьюсь, как скотина!» — налил себе янтарной жидкости сначала в кружку для чая, а затем решил, что такой объём не даст ему забыть этот увиденный бред. Он приложился сразу к горлышку бутылки. Не хотел помнить. Не хотел видеть. Ему это не надо... он просто хотел лечить крестьян, дразнить аптекаря и коллекционировать кошек, а не быть подопытным кроликом.

Мутный взгляд тяжело фокусировался на окружающем. Антон не помнил, как сполз на пол и полчаса доказывал своим фарфоровым котикам, что он адекватный и полностью нормальный. Котики смотрели с осуждением, Антон продолжал говорить, говорить и говорить... Котики не осудят и не обольют холодной водой, как делала Авдотья, когда пару месяцев назад нашла пьяного Антона на берёзе, где он орал, что он Наполеон и поедет в Москву. Муж старухи, Савелий, тогда еле стащил его с дерева — Антон ведь брыкался, орал матом.

Сейчас он просто болтал у себя в комнате, а затем его расфокусированный пьяный взгляд (он выпил всего одну бутылку коньяка, но крайне быстро пьянел от своего тщедушного сложения) упал на ту самую склянку. Антон так и сидел на полу без верхней рубахи, чувствуя, как на спине из раза в раз

расправляются новые трубочки перьев из бугорков.

— Вот и ты, тварь, — почти прорычал он, пытаясь подняться. Запнулся о свою ногу, плюхнулся на ковёр, жалобно пискнул. — И ты на меня как на бракованного смотришь, как в той деревушке смотрели, куда мать возила меня в десять. Да? Ты тоже думаешь, что я дерьмо? А я и сейчас дерьмо!

Антон тихо всхлипнул и дотянулся до склянки, прижал её к щеке и завалился на пол. Щёки вдруг почему-то стали мокрыми, в горле было тесно, словно туда засунули шарик, который не мог пройти дальше в глотку. Плечи мелко подрагивали.

— Ну почему я... — тихо пробормотал он заплетающимся языком и ощутил, как веки налились свинцом, а тело стало неподконтрольным. Антон провалился в сон. Он не заметил, как неосознанно проурчал во сне, заграбастав под мышку двух фарфоровых котиков. Ему казалось, что они живые.

Глава 2

Сон оказался не таким, как он представлял. Он ожидал привычной темноты, пока не оказался в том самом доме. Он узнал руны на стенах, печку, образа с лампадкой в углу. Антон пошатнулся и еле успел схватиться за стену.

— Ты кто? — донёсся до него высокий женский голос.

Антон проморгался и посмотрел на источник звука. Та самая деваха, Федота, уже стояла, заслонив брата, выпустив крылья, оскалилась, обнажив клыки, её ногти медленно стали коготками, а зрачки сузились в вертикальные щёлочки. Она угрожающе зашипела, перья встали дыбом.

Антон отшатнулся от ужаса, резко втянув воздух. Поднял руки, показывая, что без оружия. Деваха смотрела на него с подозрением.

— Ты кто таков? Я тебя спрашиваю! — понизила она шипящий голос, как у рассерженной кошки.

Маленький Прохор высунул голову из-под её бока, глядя на Антона с лёгким страхом и детским любопытством.

— Пахнет нашим.

— Нет, — ответила она брату, задвинув ребёнка за спину. Всё ещё сверлила Антона взглядом.

Антон сглотнул комок в горле, слова застряли, так и не вылетев из губ. Руки мелко тряслись от ужаса. «Где я... это ведь сон, да? Сон... я пьяный, сплю у себя в комнате, без ру-

башки, у меня нет никаких перьев. Мне всё это почудилось. Не надо было пить».

— Здесь что происходит? — резко влетел в дверь Ефим, чуть не сбив Антона с места, тот еле устоял.

Федота молча указала пальцем на Антона, сжавшегося в комок страха и трясучки. Ефим смотрел на него с подозрением и в качестве предупреждения зашипел. Антон сжался сильнее, чувствуя какой-то инстинктивный страх и собственную ничтожность рядом с этими пернатыми шипящими существами. «Это... это полукровки? — подумал он, заставив себя осмотреть крылья Федоты и торчащие перья на шее Ефима. — А я... я человек. Просто человек. Они же сейчас меня разорвут этими когтями... и всё, я умру во сне. Авдотья утром увидит и обрадуется», — усмехнулся Антон своим мыслям.

Ефим поуспокоился, поняв, что Антон неопасен, да и боится их больше, чем они его. Юноша подошёл ближе и втянул воздух, словно пробуя запах на вкус.

— Ты больной, что ли? — спросил он Антона.

Тот побледнел и не знал, что ответить. Смотрел в эти большие карие глаза Ефима с вертикальными зрачками. Да, он болен... одинок и ненормален. Конечно, болен. Антон в ответ лишь пожал плечами.

— Ты пахнешь нашими, только слабый. Что с тобой?

Антон отвёл взгляд, стараясь не произнести ни звука, зная, что может разрыдаться от страха и от самого вопроса.

Ему вдруг вспомнился тот момент лет в десять: мать повезла его в тот странный район на окраине города, завела в какой-то дом, где сидели какие-то люди. Антон помнил, как дрожал тогда от страха, цепляясь маленькими ручками за сильную ладонь матери, которая умоляла этих людей о чём-то, вроде просила помочь, спрашивала, что с её сыном не так, можно ли ему помочь. Помнил витающий в том помещении запах озона, ладана и кучи незнакомых нот, среди которых выделялся и привычный, родной аромат мамы — озон, ладан и ландыши.

Он помнил, как какой-то человек также подошёл к нему, обнюхал и сказал матери, что Антон живой — и это хорошо, но из-за болезни накануне линьки у организма не хватило сил на перестройку, так что в стаю его не примут. Антон помнил, как мать зарыдала, маленький Антон тогда испугался её слёз и прижался к боку, чтобы спрятаться от сочувствующих взглядов тех незнакомцев.

— Ты в порядке? — вдруг легла ему на плечо чья-то тяжёлая ладонь.

Он вздрогнул. Рядом стоял Ефим, глядя с непониманием прямо в глаза. Антон провёл рукой по щеке, ощутив солёные дорожки по небритой щеке, и отрицательно помотал головой. Ефим крепче сжал его плечо и усадил на скамью, осматривая. Федота всё же успокоилась, опустила крылья, что прижались к её спине наподобие плаща. Прохор всё же выглянул из-за сестры и подошёл ближе, глядя на Антона.

Ему стало стыдно от того, как смотрел ребёнок. С какой-то недетской жалостью. Прохор полез в карман штанишек и вытащил оттуда ту самую фигурку ангела и протянул её Антону на раскрытой ладонке. Антон посмотрел на фигурку (он заметил, как она сильно похожа на ту, что на крышке склянки... Если это только не была та самая), потом на ребёнка, слабо улыбнулся и дрожащими до сих пор пальцами взял её, сжав в руке. Прохор улыбнулся, маленькие клычки делали его только милее.

— Ладно, пока останься, — выдала вердикт Федота, с недоверием глядя на Антона. Но уже без угрозы немедленной расправы.

Антон сжал фигурку в руке сильнее и почувствовал, как она теплеет. Он опустил взгляд и посмотрел на ангелочка. Ему вдруг показалось, что фигурка открыла глаза и моргнула ему. И тут он вздрогнул, услышав тихий шёпот — ангелочек словно едва заметно шевелил нарисованными губами:

— Ты следующий. Без стаи ты беззащитен. И демоны придут за тобой. Даже бракованный... Для демонов ты всё равно деликатес.

Антон еле сдержался, чтобы не откинуть фигурку от греха подальше, но сдержался. Фигурка словно приросла к ладони. Тёплая. Живая.

— Что ты такое? — прошептал он.

Ангелочек не ответил. А лампадка у образов продолжала тлеть, Ефим начал суетиться у печи, а Федота все же утаци-

ла Прохора в детскую, чтобы ребенок не якшался с незнакомцем.

Фигурка лежала неподъемным грузом в кармане, в нос бился запах коровьего навоза, прелого сена, смешанного с терпким потом животного, но Антон морщился и терпел. Он был тут уже несколько дней и все это время чувствовал себя ущемленным, посмешищем. По сравнению с семьей, Ефимом, Федотой, их родителями Февроньей и Федором, да даже маленьким Прошкой он был тщедушным и слабым. Феврония упрямо совала ему под нос большие порции, как у Федора и заставляла есть, даже когда его тошнило, говорила, что так надо, иначе так и останется задохликом.

Антону казалось, что он спиной ощущал какие-то странные жалостливые взгляды и ему становилось тошно. Было более тошно и от собственного запаха. Он начал ощущать, что и пот стал пахнуть как-то по-другому, бледно, слабо, но пробивался озон с ладаном, да и какая-то дикая ягода. Сейчас в совокупности с запахом коровника его чуть не выворачивало не только от самого сочетания, сколько от факта, что он пахнет...этим. Ефим же заметил этот запах у Антона раньше всех, даже одобрительно улыбнулся, хлопнув по плечу и сунул ему огромный ломоть хлеба.

Антон уже видел, как Федота почти играючи закинула на плечо огромный куль с зерной, а сам он едва мог без нескольких передышек донести два полных ведра с водой от колодца до дома. Ефимю умел закладывать дрова до самого потол-

ка пленницы. Даже Прохор лазил через забор быстрее, чем Антон мог перелезть через большое бревно. «Курица недоделанная, а не мужик, » — думал он про себя, уже даже смирившись, что по вечерам мажет перья на спине той мазью, которая на удивление помогала, зуд ушел полностью, а перья росли нормально.

Он понимал деревенскую жизнь, понимал, как трудно кормить семьи, потому первым делом вызвался помогать, да хоть в коровнике или в курятнике, добавил, что и спать ему не принципиально где, можно хоть в псарне, пусть он собак и не очень любит. Антон хотел быть нужным, не хотел быть нахлебником, ему буквально жизненно необходимо было доказать им и себе, что он не нахлебник.

И вот он сидел под буренкой, осторожно выдавливая из вымени молоко в ведро. И тут взгляд упал на землю. Сначала он не понял, что его насторожило. Он Он поднялся, потянувшись, хрустнув спиной. Корова недовольно мотнула головой. Антон машинально потрепал её за ухом — жест врачебный, успокаивающий, отработанный за годы. И тут взгляд упал на землю. Свет из распахнутых ворот лежал на сене ровным прямоугольником. Но в этом прямоугольнике он не увидел себя. Ни тени от ног, ни от туловища, ни от рук. Антон замер. Моргнул. Вытянул руку вперёд — пусто. Помахал пальцами — никакой чёрной копии на соломе. — Этого не может быть, — сказал он вслух. Корова вздохнула, и ему показалось, что с укоризной. Снаружи доносился довольный визг собак и за-

ливистый смех Прохора, игравшего с ними.

Антон нахмурился и зачем-то вытащил фигурку ангела из кармана широких штанов.

— Признавайся, это ты? Или у меня галлюцинации, — впился он глазами в нарисованное личико ангела. Антон не надеялся на ответ, хотя понимал уже градус абсурда происходящего вокруг него. А вдруг он и правда в коме, лежит на полу комнаты, не дышит, а Авдотья трясет его за плечо.

— Пока ты не примешь себя, тень не вернется, — послышался тихий голос ангелочка.

— Так ты говоришь, — с каким-то облегчением выдохнул Антон. А затем поднес фигурку к лицу и почти прошептал. — Верни. Мне. Тень.

— Не могу, она сама ушла, ты отверг ее.

Он замер. Потом хмыкнул. Потом хохотнул. А через секунду уже ржал в голос, согнувшись пополам, и кашель перемежался с хриплым смехом. Корова отшатнулась, глядя на него круглым недоумевающим глазом.

— Это я-то ее отверг? Это моя тень! Ушла? Она все, надеюсь, монатки собрала? — спросил он у ангелочка, успокоившись, но все еще хриплым от смеха голосом. — Я непонятно выразился? Тень верни.

— Ты должен принять себя и она вернется, а если не примешь — лишишься всего, — голос ангелочка был мягким, даже каким-то бережным, словно общался с буйным зверем.

Антон зашипел в ответ от бешенства, а затем сам испугался собственной реакции. — Ты сам себя кем считаешь, Антон Яковлевич Щукин?

Он, зашипев громче, замахнулся от злости, не желая слушать больше подобный философский бред деревянной позолоченной фигурки. Но вместо этого отставил ангелочка на стульчик, а сам провел устало руками по лицу. Вышел из коровника, вдохнул полной грудью свежего воздуха и опустил взгляд на стог сена. Подошел ближе, пытаясь найти тень. Там, где должна была быть его темная копия, было пусто. Совсем. Он вздохнул и вернулся обратно, к фигурке.

— Себя? — выдохнул Антон и сделал комичное лицо, собравшись с силами. Корова окончательно отвернулась и отошла от него подальше, презрительно махнул хвостом. Она уже устала от этого странного истеричного мужика, который забыл додоить ее. — Ну, врачом. Мужиком. Чучелом огородным, который не хочет сдохнуть от голода, а потому в жару батрачит в коровьем дерьме.

Он замолк.

— Два дня назад я считал себя человек, а теперь — черти что, — вновь усмехнулся Антон.

— Тени нет, потому что она не знает, как тебя отражать, Антон Яковлевич, — донесся до него ласковый голос ангелочка. Он покосился на фигурку и подошел ближе, присел напротив стульчика.

— И что ты мне предлагаешь? Так вот просто в момент

сказать, что да, я тоже пернатая линияющая хрень, бракованная. Да? Ты этого добиваешься? Ну вот, я тоже пернатая хрень, — зло выдохнул он. — Доволен?

— Нет.

— В смысле, нет?! А что мне еще сделать? Табличку? «Смотрите, я тоже нелюдь, только ещё и недоделанная»? Так что ли? — уже вспыхнул Антон.

— Ты так и не понял, — голос фигурки звучал устало. Антону казалось, что если бы была возможность, ангелочек просто бы закрыл лицо рукой, лишь бы не видеть такого идиота, как он.

— А что мне еще понять...

— Поговори с Федором, — только сказала фигурка и умолкла. Антон ожидал продолжения, но так и не дождался. Выглянул из коровника. Федор сидел на большой скамье у крыльца и чистил седло. Антон побаивался Федора, хотя мужик это был хороший, пусть и под два метра ростом и телосложением циркового медведя. Огромный, черноволосый с добродушными глазами, большими руками, которые умели и топор держать как игрушку, и Прохора подкидывать вверх, что мальчишка визжал от восторга, выпуская свои пуховые крылышки.

Антон подошел к Федору и осторожно примостился рядышком, стараясь не лезть слишком сильно.

— Корова сбежала? — спросил отец семейства, продолжая чистить седло.

— Да.

— Видел, она обиделась, что ты не додоил ее.

— Знаю.

— Так что сидишь? — Федор отложил седло и посмотрел внимательно на Антона, который все смотрел в землю и не видел своей тени. Федор опустил взгляд и как-то понимающе хмыкнул. — Поговорить пришел?

— Нет, — осекся Антон, чуть покраснев. — То есть, да, поговорить. Я вспомнил кое-что.

— Что?

— Почему я такой, — выдавил он из себя, прикрыв глаза. Снял с носа пенсне и убрал в карман. Мир расплылся перед глазами, но странно стало легче, потому что мимика Федора теперь была размытой. — Я... не знаю, с чего начать.

— Я тоже. Ты ведь ко мне пришел, — спокойно ответил Федор, терпеливо ожидая продолжения.

— Я помню, что родители говорили, что ради меня уехали из стаи в город, чтобы денег было больше. Не справились, я постоянно болел и не хватало еды, мать мне свои порции отдавала. А в шесть я ужасно заболел перед линькой, вроде, — пожал плечами Антон, рефлекторно начиная теревить край рубахи. Он не любил вспоминать детство. Оно казалось ему серым, мрачным и холодным, как и комната, где он ютился с родителями. — После болезни я выжил, но природа не проявилась. Родители были в ужасе. Я просто помню, что папа показывал мне крылья в детстве и говорил, что я буду такой

же, большой и сильный. А я... я не мог, уже не мог.

Федор молчал, внимательно слушая. Он не умел утешать словами, но уважал то, что Антон, этот странный тощий мужик, пришел к нему сам, поговорить.

— В стае меня не приняли, назвали слишком человеческим. Мать плакала несколько дней, мне было стыдно. А папа... папа ушёл в запой, я думаю, он хотел бросить меня, потому что я бракованный был, недоделанный. Но он любил меня с мамой и остался, сказал, что будет учиться любить сына человека. И перестал упоминать вообще что-то о том, кем они были с мамой. Мне... мне до сих пор тошно, что я не оправдал их надежд. Что они... бросили свою стаю, ради меня, а я... а я... вырос просто куском мяса. Вот и сбежал, хотел быть полезным. Лекарь — это ведь престижно, я мог помогать. Да и забыл уже все, а тут, как плотину прорвало.

Федор отвел взгляд и тяжело вздохнул, а затем положил руку на плечо Антона, выпустил крылья и накрыл его одним из них.

— Знаешь, у меня демоны трех детей сожрали, — ответил Федор. — Я понимаю, какво это терять ребенка, потому что у полукровок жизнь вокруг них вертится. Мы Прохора смогли завести только спустя шесть лет после того случая, Февронья боялась. Я боялся, — произнес он. — Поэтому я тебе скажу вот что... ты живой и ты не виноват. Я сам отец, для меня было бы неважно, родился бы Прохор, Ефим или Федота сломанными, я бы любил их также, — Антон тихо

всхлипнул и придвинулся чуть ближе.

— Они ведь, наверняка, стыдились меня... мои родители.

— Мне кажется, им было важнее, чтобы ты выжил, а не то, чтобы ты вырос бы нормальным полукровкой, но мёртвым. Никому никогда не пожелаю пережить смерть собственного ребенка. Я знаю, о чем говорю. Так что... не вини себя, они ведь были рядом и боролись. Это главное.

Антон умолк и просто сидел, тяжело дыша. Ему было неловко, но Федор не осуждал, просто сидел рядом, грел крылом. Чужие слова медленно оседали в голове и что-то даже прояснилось, отпустило и перестало ныть там, куда Антон почти все двадцать последних лет. Боль не ушла целиком, но дышать стало чуть-чуть легче.

— Пока ты с нами, мы — твоя стая, — улыбнулся Федор и сложил крылья. Он встал с кряхтением, потянулся и посмотрел на Антона. — Учись быть собой, больше ничего не знаю, что тебе посоветовать, — пожал Фёдор плечами.

Антон кивнул в ответ, лишь слегка изогнув губы в подобие улыбки. И вновь опустил взгляд на землю. И мутным от застилающих слез взглядом он лишь уловил какую-то слабую, едва заметную тень. Свою. Чуть иную, но его. Он сглотнул комок в горле и пошел ловить корову, дабы извиняться перед ней и закончить работу. По пятам за ним следовала слабоватая тень с едва заметным оперением.

— Ты вернул мне тень, да? — слабо спросил Антон у фигурки, беря ее в руки.

— Не полностью, но теперь мы связаны, куда ты себя принимаешь, — он поморщился от этих слов ангелочка. Ненавидел всю эту мистику, эти акты какие-то, но почему-то от слов фигурки на душе слегка стало легче, словно где-то в глубине души он получил подтверждение, что его не бросят, каким бы он не был. — Обратной дороги нет. Ты же видел, что с ними будет, — ответила фигурка. Антон сглотнул. Конечно, он помнил: ночь, крики, вой, демоны, кровь, сера и слезы Прохора. По коже пробежали мурашки. — Помнишь их панику?

— И что мне делать? Я не умею драться, я даже летать не умею. Я врач.

— А я ангелочек, которого вырезал Ефим и подарил своему брату. Теперь, однако, я с тобой. Но я не об этом, — возразил ангелочек. — Не отталкивай их, когда они хотят помочь. Как умеют. Да и ты, не отталкивай себя. Пока есть время, живи, учись быть собой, быть полукровкой, не сопротивляйся своей природе. А я... я просто фигурка, которая говорит с тобой.

— Ты мой симптом шизофрении и маниакального бреда, раз несешь такое.

— Антон Яковлевич, — голос ангелочка стал жестче. — Давайте тогда по простому? Если вы не научитесь летать, вы содохнете и демоны вас сожрут. Доходчивее вышло?

Антон замолк и задумался. Практически он понимал, что ангелочек пытается донести, но как переступить через се-

бя. Как не считать перья, которые уже были заметным оперением на спине, лишаем? Как не считать свой полукровочный запах вонью? Как смириться с шипением, которое Антон непроизвольно издавал от злости? Он не знал... но выхода, судя по всему не было. Он хотел жить и не хотел быть чьим-то ужином. Пусть даже и бракованным.

— Либо иной путь, — тут уже Антон напрягся. — Я верну тебя в город, но ты потеряешь себя. Воспоминания об этом доме, о своей природе, о родителях. Будешь жить врачом, но демоны тебя учуют и придут...

— Заткнись, — перебил ангелочка Антон, взял фигурку в ладонь и сжал. — Просто заткнись. И так без тебя тошно, а еще ты тут... с этим всем. И так меня загнали в мышеловку. Выберешь — сдохнешь. Не выберешь — тоже сдохнешь. Отличная перспектива. Спасибо, — фигурка в ответ лишь усмехнулась. — Надеюсь, я там, у Авдотьи, так и сдох от пьяного угара... но я останусь, тут меня еще и кормят лучше. А ты... Будешь со мной. Ты, конечно, не фарфоровый котик, но теперь будешь моим.

И после этого на душе уже стало ощутимо легче. Он выбрал остаться, потому что выбора у него никогда по сути и не было.

Корова наконец вздохнула с облегчением, довольно промычала и чинно удалилась в сторону поля, где меланхолично начала жевать жвачку. Антон проводил животное взглядом и встал с табурета, потянулся до костного хруста — спина уже

затекла, перья слиплись от пота, что было не самым приятным ощущением, хотя он испытывал и нечто гораздо хуже.

Ангелочек молчал, да и Антон не особо хотел говорить. Он чувствовал себя выпотрошенным, словно его выставили нагишом на всей площади. Антон всё перебирал диалог с Фёдором, обдумывал свои слова, прикидывал, как надо было звучать лучше, а то ему казалось, что он на какой-то исповеди или как мальчик под боком у папки. А ему тридцать два!

Антон хмыкнул сам себе и вышел из коровника. В воздухе было странно тихо, даже листва не шумела от ветра. Палило солнце, однако было на удивление прохладно. Он подставил лицо лучам света, и из груди вырвалось какое-то довольное урчание. Антон вздрогнул и приложил ладонь к груди, заставляя себя утихнуть. Тут подул ветер прямо в лицо, словно реагируя на его испуг. Антон поморщился и пошёл в сторону забора.

В поле Ефим без рубахи размахивал косой, Фёдор тоже там был и собирал рожь. Из дома доносилась возня Февроньи у печи, Федота же повела Прохора на ближайшую речку ловить карасей.

У забора высились несколько высоких берёз с раскидистыми кронами, с облезающей беловатой корой и сочным запахом берёзового сока. Антон уже видел, как Февронья собирала этот сок, как мазала им ранки Прохору, когда мальчишка неудачно упал во время пробного полета и расшиб локти с коленями. Он помнил свойства берёзы ещё со вре-

мен учёбы, но только с начала практики в деревне познакомился с пользой «травничества» и ботаники на деле, особенно в моменты, когда жалование задерживали, а ни карболки, ни спирта не было.

За забором Антон видел поле, большое, золотистое под яркими лучами. И вдали, как мираж, виднелся лес.

Вчера он уже спрашивал, что там, Ефим ответил, что просто лес, но и демоны бывают, если сильно вглубь идти. Демоны не выносят солнца, так что лучше быть на виду. Антон тогда не придавал значения словам юноши, решив, что демоны — это просто сказки, чтобы Прохор в лес не сбегал. А сегодня, после разговора с Фёдором... Антон вздрогнул и даже не хотел представлять, как выглядят эти твари, которые жрут детей.

— Ну вот, теперь будет новая фобия... Отлично. Я ведь и без этого отличался прекрасным сном, — усмехнулся он сам себе, толкнул калитку и вышел за забор.

И пошёл.

Не в лес, нет. Антон, конечно, глянул в ту сторону, но решил, что до конца жизни будет держаться от лесов подальше. Перекрестился на всякий случай и повернул в сторону длинной-длинной дороги, уходящей за горизонт. Федота говорила, что в десятке вёрст от этого имения ближайшая деревня, куда Фёдор с Ефимом ездят торговать.

Ветер внезапно подул в спину, словно подгоняя. Антон не двинулся с места.

— А зачем мне туда всё-таки? — подумал он, снял пенсне и протёр.

В воздухе стихло, словно загустело. Он не обратил внимания.

— К людям... Я и так нелюдь. Что мне там делать? Тут... Тут ещё ладно, тут все такие, а там... — он грустно улыбнулся себе и тяжело вздохнул. — Может, не стоит? Буду сидеть сычом и работать за еду.

Он положил руку на калитку, уже собираясь толкнуть её обратно и вернуться в дом, помочь Февронье с обедом, как вдруг почувствовал какое-то странное натяжение в мизинце. Антон нахмурился — на пальце ничего не было.

— Опять брежу... — решил он.

Но тянущее ощущение не пропало. Едва Антон отвёл взгляд, как краем глаза заметил, что вокруг мизинца обмотана тонкая красная ниточка, тянущаяся по дорожке в сторону поселений. Антон моргнул — и нить пропала.

— Что за чертовщина? — прошептал он, побледнев.

Ветер вновь ударил в спину так, что Антон аж пошатнулся и едва смог удержаться на ногах.

— Меня точно проклинали.

— Антон! Эй! — раздалось вдруг.

Это бежал Ефим — весь мокрый, потный и покрасневший от работы в поле. По лицу стекал пот, пряди волос слиплись, да и перья жались к спине, лоснясь под лучами солнца.

— Ты чего тут?

— Да ничего... Вышел... Подышать вышел.

— Вот оно как, — Ефим посмотрел на него, а затем перевел взгляд на дорогу. Антон всё ещё смущался перед юношей, которому было семнадцать, но выглядел тот старше, внушительнее, мощнее, да и на полголовы был выше Щукина. — Ты туда хотел, да?

— Не знаю, — честно пожал плечами Антон. — Не в лес же я пойду. Если бы хотел, я бы ещё в первый день сбежал.

— Да не об этом я, — отмахнулся Ефим и посмотрел на свой мизинец. — Меня тянет, как будто нитку кто-то дёргает. Глупость какая, а? — улыбнулся он, смущенно почесав затылок. — Странно всё это.

— Не то слово. Но ты хотя бы привычный, а у меня вся жизнь за неделю перевернулась с ног на голову, — мрачно заметил Антон, поправив одежду.

Ефим смутился и тоже накинул рубаху.

За мизинец всё ещё тянуло, но Антон не хотел идти. Он только нашёл место, где хорошо, спокойно, где его принимают и кормят. Листва зашуршала под ласковыми прикосновениями возобновившегося ветра, облако загородило солнце, отбрасывая на поля громадную тень.

— Слушай, ты это, — начал Ефим. — Если пойти задумаешь, ты меня кликни, а то пропадёшь там где-нибудь. А мы к тебе привыкли. Ты хороший, да и Прощке ты нравишься.

Антон посмотрел ему в глаза, смутился, отвернулся. Он

не знал, что ответить, но в глазах начало пощипывать. Не помнил, когда в последний раз ему это говорили.

— Ладно, — провёл он рукой по лицу. — Позову. Но я... — Антон бросил взгляд на дорогу, чувствуя, как ветер ободрающе дует в спину, а невидимая нить натягивается. — Я не готов... Сейчас нет. Может, завтра. Может, послезавтра. Я не знаю.

Юноша улыбнулся, сказал, что его тоже тянет, а вдвоём идти веселее, не так ли. Антон ухмыльнулся и кивнул.

Может быть, завтра он всё же решится.

Антон дрыхнул на лавке. Ему снилось, что он пошёл по той тропе, на улице ночь, внезапный запах серы и какие-то булькающие звуки. Лязг когтей по земле. Антон бежал во сне, кричал, ему казалось, что у него есть крылья — хорошие, с плотным оперением, но абсолютно беспомощные. И тут челюсть вцепилась в крыло, он заорал и попытался вырваться, услышал хруст кости.

Открыл резко глаза — кто-то маленький тормошил его за плечо. Антон проморгался, мелко трясаясь от ужаса.

— Вы проспали завтрак, Антон Яковлевич, — узнал он сквозь собственный страх ласковый голос фигурки.

Он отшатнулся, поняв, что ангелочек стоит рядом с его лицом и смотрит на него своими позолоченными, но крайне живыми глазами. Он так к запаху своему из озона, ладана и диких ягод (точнее, это была ежевика) не привык, как к тому, что на него с утра пораньше пялится ожившая фигурка.

— Если бы не я, вы бы от инфаркта во сне померли. Или тряслись весь день.

— Ты... — только смог он выдохнуть и отстранился.

Ангелочек забрался ему на колени, затем уцепился за рубаху и вскарабкался на плечо, сел. Антон скосил глаза на фигурку, затаив дыхание.

— Ты живое... живая? Живой? Что ты... что ты, чёрт возьми, такое?

— Друг, ну а для вас — Рагуэль, — улыбнулся ангелочек. — А теперь вставайте и идём завтракать. Ефим сейчас остался. Тоже поздно встал.

— Ты... ты издеваешься? — почти воскликнул Антон и дёрнулся. — Какой к чёрту Рагуэль? Я же не пил вчера!

— Эй! — раздражённо пискнул ангелочек, ухватившись за его прядь. — Можете не орать с утра? Я вас тут разбудил, от кошмара вытащил, где вас демоны пытаются сожрать, а вы орёте. Могли бы спасибо хоть сказать.

Антон замер. Это было выше его понимания, особенно то, что эта деревянная фигурка теперь двигается, говорит, а ещё и права качает. Антон закрыл лицо руками, начиная тихо смеяться от напряжения.

— Ладно... — выдохнул он, успокоившись. — Ладно, твоя взяла... Рагуэль. Верно? А можно тебя Рагу звать? Ну... как блюдо. Рагуэль — Рагу, — хихикнул Антон.

— Вы идиот? — прямо спросил ангелочек, глядя с каким-то презрением. — Вы мне честно скажите, я приму, что

выбрал в подопечные человека умственно неполноценного.

Антон вновь заржал, но уже свободнее.

— Хорошо, прости, — утёр он подступившую влагу с глаз. Нашарил рукой пенсне, протёр и надел на нос. — Больше не буду.

— Ну так пойдёмте завтракать скорее! — почти воскликнул ангелочек и больно дёрнул Антона за прядь волос.

Тот встал, отряхнулся, пригладил волосы и пошёл к столу, убрав фигурку в карман штанов, где Рагуэль возмущённо пищал и, кажется, уже собирался прокусить карман и цапнуть Антона за бедро.

Ефим уже сидел за столом, наворачивая третью миску каши. Антон на минуту замер, не зная, как начать диалог. Ему уже был уже привычен запах Ефима: озон, ладан и свежий хлеб. Сочетание было странным, но очень уютным. Юноша заметил Антона первым:

— О, доброе утро, — улыбнулся он. — Ты проснулся. А я уж думал, что вы до обеда проспите... вот и съел почти всё.

— Да ладно, я не особо и голоден.

— Не-не-не, — встал Ефим из-за стола, заполняя своей мощной фигурой пространство — шапка из рыжих волос была растрёпана и напоминала небольшой пожар. И направился к печи, где ещё стоял горшок с кашей. Юноша взял ухват и аккуратно вытащил посудину, поставил перед Антоном. — Меня мать убьёт, если узнает, что я вашу кашу подъел. Голоден был, как проснулся, ушёл в поле работать, при-

шёл — ты спишь, а еда не тронута...

— Ничего, — ответил Антон, чувствуя, как от запаха еды скручивает желудок. Он втянул аромат носом, заурчав.

— Ты уже научился? — с интересом смотрел на него Ефим. — Ну... урчать?

— Наверное... мне показалось, что это туберкулёз.

Юноша сначала не понял, глядя с недоумением. Потом в его карих глазах прояснилось, и он заржал.

— Туберкулёз? — выдавил он сквозь смех, утирая слёзы.

— О, Господи, — Ефим сел напротив, не прекращая смеяться.

Антон поморщился, потому что Рагуэль выкарабкался из кармана и взобрался на стол. Ефим замер, глядя на фигурку.

— Здравствуй, Ефим, — сказал ангелочек, делая театральный поклон.

Юноша вытаращил глаза и поперхнулся собственным смехом.

— Это... Это... Это что?

— Рагуэль. Он теперь ходит, ещё и умственно неполноценным меня назвал, — мрачно ответил Антон, но почти машинально погладил фигурку пальцем по голове.

Рагуэль уцепился за его палец, подтянулся и заставил Антона поднять его к себе на плечо. Ефим смотрел с таким выражением, словно видел новое пришествие Христа.

— Оно... он живой, что ли?

— По всей видимости.

— Я вообще-то тут сижу! — громко заявил ангелочек и дёрнул Антона за прядь, тот в ответ зашипел.

Ефим осторожно встал с места и подошёл ближе, наклонился, чтобы рассмотреть фигурку поближе. Рагуэль раздражённо шикнул и прижался к Антону. Ефим как-то обиженно посмотрел на него.

— Не трогай! Я с Антоном Яковлевичем, — возмущённо пискнула фигурка.

— А ведь я тебя вырезал... Для Прошки, — нахмурился поначалу Ефим, но затем улыбнулся и отвёл взгляд, задумавшись о чём-то. Вновь посмотрел на фигурку с каким-то детским любопытством. — Тебе это... Больно? Ты и впрямь живой?

— Вообще-то да! — гордо заявил ангелочек, поняв, что Ефим не собирается снимать его с плеча подопечного.

— Ладно, — Ефим осторожно коснулся плеча Антона, мельком бросив любопытный и восторженный взгляд на фигурку. — Ты ешь пока, посижу с тобой за компанию. У меня ещё осталось, — он кивнул в сторону своего места, где ещё оставалась огромная надкусанная краюха хлеба, недоёденная каша и почти полная крынка молока.

Антон принялся за еду. Каша была на молоке, сладковатая, с комочками — Февронья не любила размешивать до гладкости, говорила, что так сытнее. Антон не спорил, ему было важнее, чтобы кормили. Рагуэль сидел на плече и довольно урчал, периодически вытаскивая Антона из мыслей,

если тот медленно жевал.

— Рагуэль, — обратился вдруг к фигурке Ефим с каким-то удручённым видом. — Ты только Проще не показывай, что живой. Он маленький ещё, подарил тебя Антону, а ты ожил. Вдруг ревновать будет.

Ангелочек чуть отлип от воротника Антона и глянул на юношу, взвешивая его слова.

— У меня нет привычки обижать детей, особенно Прощу. Он хороший мальчик, но если ты просишь, я притворюсь, — спокойно и даже чуть ласково ответил Рагуэль, сменив гнев на милость.

— Спасибо тебе, — кивнул Ефим. — Он дорог мне, не хочу его терять... как остальных.

— Тех, кого... — не договорил Антон, не зная, можно ли вообще поднимать эту тему, о которой обмолвился накануне Фёдор.

— Да, их, — опустил взгляд юноша, дожёвывая хлеб. — Мне одиннадцать было, я только Федотку успел вынести. Испугался. Побежал за родителями. До сих пор страшно.

— Ты был ребёнком, — Антон удивился своим словам. — Ты и сейчас ребёнок. Остался бы ты — умер бы и даже Федоту не спас.

— Я знаю. Просто тяжело это всё, поэтому... я хочу сохранить то, что осталось, — грустно улыбнулся Ефим, макая ломоть хлеба в молоко.

Ладони у него были крупные, как и у отца, натруженные,

мозолистые. Антон почему-то вдруг представил, как эти ладони умеют бережно вырезать фигурки для младшего брата, как умеют гладить Прошку по голове или подкидывать до радостного визга.

— Ефим, — подал голос Рагуэль, всё же слезая с плеча Антона. Ангелочек подошёл ближе к юноше и положил маленькую ладошку на руку Ефима. — Ты сейчас сильный, держись за это. Ты сможешь всех защитить — ты ведь для этого держишься, не так ли?

Юноша опустил взгляд на ангелочка и улыбнулся, аккуратно провёл пальцем по его голове.

— Да... Теперь ещё и Антона буду защищать.

Антон поперхнулся от неожиданности, закашлялся. Щёки покраснели. Когда кашель стих, он посмотрел на остывшую кашу, покрывшуюся тонкой плёнкой, но упрямо зачерпнул ещё ложку и отправил в рот. Рагуэль вновь влез на плечо Антона и уселся по-хозяйски, как наседка в гнезде.

— Ты не обязан, — обратился Антон к Ефиму, приняв из рук юноши крынку с молоком.

— Не обязан, — кивнул он. — Сам хочу. Ты вон как с Прошкой пару дней назад возился, кошек этих своих фарфоровых показывал — он аж светился весь вечер, пока вы с ним из глины пытались лепить похожую, — заметил Ефим.

Антон покраснел, вспомнив тот вечер. Он тогда впервые остался с Прохором один на один и не придумал ничего лучше, чем показать ребёнку двух фарфоровых кошечек, рас-

сказать, где их купил. Дал мальчику даже их потрогать, а потом уселся с ним лепить. Антон знал, что умеет с детьми. Годы врачебной практики, сотни детских болезней: он научился успокаивать, занимать детей, да и просто быть с ними рядом. С детьми он чувствовал себя свободнее, чем со взрослыми. Детям было плевать на его тараканы в голове, им просто был интересен этот худой дядька в пенсне, который коллекционирует кошечек и может с интересом рассказывать забавные случаи со времён учёбы.

— Я вообще ждал, что мы с утра пойдём, пока солнце не напекло, — добавил Ефим, вытаскивая Антона из мыслей.

Тот в ответ поморщился и глянул на свой мизинец, где ощущение натянутой нити всё ещё не утихло.

— Меня тоже эта штука не отпускает. Вот и решил спросить...

— Я не хочу пока что, — честно ответил Антон. — Много навалилось, не хочу спешить.

— Хорошо, — просто сказал Ефим, отламывая от своего хлеба внушительный кусок и сунул его Антону. — Тогда ешь, мать злиться будет, что ты не ешь ни черта. Иначе она сама тебя закормит.

— Звучит как пытка, — внезапно встрял Рагуэль.

Антон коротко шикнул на него.

— Нет, это забота, — фыркнул Ефим. — Привыкай.

— Я попробую, — кивнул Антон и впервые почувствовал облегчение.

С того разговора прошло пару недель. Наступил сентябрь, листья на деревьях начали желтеть, и пришло время собирать урожай. Антон окончательно свыкся с тем, что, видимо, ближайшую... жизнь он проведёт тут, в окружении этих странных существ. Он продолжал помогать по дому, доить коров, возиться в курятнике. Косу ему не доверяли — Фёдор боялся, что Антон навернётся или руку себе полоснёт. Антон в принципе и не спорил, главное, чтобы кормили.

Еду он тоже успел полюбить, особенно как готовила Февронья: похлёбки, каши, пироги. Раньше еда казалась ему бессмысленной тратой времени, но тут Антон смог наконец привыкнуть к семейным застольям, привыкнуть к тому, что набрал вес и окреп от постоянной работы, загорел. Впервые в жизни он чувствовал себя на своём месте.

Глава 3

Из маленьких полевых записок Рагуэля, он же «деревянная тварь», он же «заткнись, пожалуйста! Заколебал уже со своей болтовней», и он же «Рагуэль, прости меня, поговори со мной! Я больше не буду тебя обзывать!»:

Мой многоуважаемый подопечный, Антон Яковлевич, в очередной раз меня удивляет. Помню, когда мы познакомились, он... ну, был нечто, очень отдалённо напоминающее полноценную полукровку. А сейчас смотрю — уже не дохлак, мясо появилось. Вон, сидит, шипит на меня, что я его котиков фарфоровых потрогал. Вы меня не поймите неправильно, эти расписанные твари меня и правда пугают. Смотрят своими презрительными глазёнками. Антон к ним трепетнее, чем ко мне! Я ангел-хранитель или кто, а ревную подопечного к каким-то фигуркам.

Так вот... экземпляр с именем Антон Яковлевич перестал шугаться собственного тела. Запах у него теперь оформился, как у настоящего полукровки: озон с ладаном и ягода, ежевика. Клыки прорезались на челюстях, он научился даже коготки выпускать, когда злится.

Ура, мой подопечный больше не похож на недокормленного гоблина! Я предложил ему отпраздновать. Антон послал меня в пешее эротическое. Не понял, что это значит, но, наверное, очень далеко, и обиделся, не разговаривал с

ним весь день. Он сначала ворчал, что ему это не сдалось, он не будет больше с деревянной фигуркой якшаться. Через три часа он уже умолял меня поговорить с ним. Бедняга... я заговорил — не могу слушать его унижения.

Вечер начался как обычно. Антон валялся на кровати потный и уставший. Слава богу, он перестал быть бледным как поганка, да и мяса набрал, иначе бы ветром унесло. Я расположился на его спине, где у него уже было хорошенькое такое оперение, да и мышцы наконец появились от работы, и распутывал слипшиеся перья. Антон, не в силах выдать обычную колкость в мой адрес, что-то мычал в подушку, когда я дёрнул неаккуратно за какое-то микроскопическое перышко. Но видите ли, он теперь со своими перьями как с писаной торбой мается. Говорит, что раз уж нелюдь, то хоть ухоженная нелюдь будет. Клыки свои чистит, коготки подпиливает.

Однако не всё так радужно. Суть ведь берёт своё, организм набирается сил, здоровье улучшается. Я видел самый стыдный момент в жизни Антона, когда он понял, что зрение улучшилось и он теперь видит лучше, чем когда-либо в жизни. И он плакал не от радости... Вы вдумайтесь! Этот бывший задохлик рыдал, что ему теперь не надо носить пенсне. Я спросил, почему он плачет. Антон меня тогда обматерил от тоски и сказал, что любил это пенсне, он без этих линз себя голым чувствовал. Я не знал, как на это реагировать, просто забрался ему на плечо и погладил тогда, чтобы не плакал.

Так вот... о чём это я? А, вычесал я ему значит всю спи-

ну, он накинул рубашку, буркнул что-то похожее на благодарность и потопал вниз, потому что обещал Прохору почитать книжку. Прохор — удивительный маленький полукровка, здоровый, крепкий, где-то к апрелю полиняет окончательно. Этот сорванец читать ещё толком не умеет, но рисует — что мама не горюй. Талант! Книжки себе сам делает, а Антон текст пишет под диктовку ребёнка. Я не стал шутить на эту тему, потому что сидел на плече Антона и нашептывал более удачные словосочетания.

И вот всё было как обычно. Но я чувствовал, что что-то сегодня обязательно пойдёт не так. И мне стало страшно. Да, я ангел, пусть и заключённый в это дерево (потому что вселяться в фарфорового котика — ну, это унижительно!), но всё равно боюсь. Антон выглядел счастливым и увлечённым. Прохор сидел с ним рядышком, перед ними на полу несколько листочков, на которых мальчик водил самодельной кисточкой, макая в краску, которую Ефим привез с рынка, и что-то довольно вещал Антону.

Я сидел и не знал, почему мне стало страшно. В доме пахло едой, Февронья учила Федоту ткать ткань, но девушка шипела и была не очень-то терпеливой. Федота в принципе вспыльчивой достаточно была, с крепким характером, и даже Ефим с Фёдором её побаивались. Прохор же в сестре души не чаял. Всё было так обычно, даже то, что Фёдор спал на печи, а Ефим возился во дворе с псами. Даже если бы я понял, что идёт опасность, я бы... я бы даже не сразу смог

предупредить. Не хочу, чтобы эта семья, которая любит моего подопечного, вновь столкнулась с горем и страхами. Но я всего лишь фигурка, а потому тихо прошептал Антону на ухо:

— Антон Яковлевич, — тихо позвал я. Он замер и покоился на меня. — У меня плохое предчувствие, как перед бурей.

— В смысле? — настороженно спросил Антон.

Я вновь приняхался и, думаю, если бы мог побледнеть, уже был бы белым как смерть.

— Там... там демоны идут, я чувствую их. Много. Очень много.

Антон, к моему удивлению, не ударился в привычный сарказм, а сразу поднялся с пола, взял меня с плеча и, посадив меня к себе на ладонь, спросил:

— Это точно? — старался звучать он серьёзнее, хотя сам уже трясся от страха. Ладно, спасибо, что ещё в обморок не упал и не начал доказывать, что демоны — это просто сказки. Фёдор просто ему неделю назад голову одной твари показал, Антон потом орал во сне несколько дней. Судя по всему, он тоже не очень хотел с ними встретиться.

Антон потрепал Прохора по голове и подошёл к печи, где храпел Фёдор. Антон растолкал его и сказал, что демоны близко. Фёдор смотрел минуту сонными глазами, а затем напрыгся как хищник, повёл носом. И тут его сонливость как ветром сдуло. Он спрыгнул с печи, подбежал к окну и крик-

нул Ефима, чтобы домой шёл сейчас же. Ефим с улицы ответил, что ещё псарню не запер. Фёдор заорал, что плевать на псарню, быстро в дом!

Юноша влетел как ошпаренный, спросил, что случилось. — Ефим, там демонов много... они сюда стаей идут, — ответил я, всё ещё сидя на руке Антона.

Юноша поджал губы и спросил отца, что делать. Февронья тоже наострила уши, глядя на мужа. Федота уже полезла в какой-то сундук, откуда как священные реликвии вытаскивала какие-то кинжалы, ножи. В них я узнал сплав ангельского металла. Это стандартное оружие хранителей для обороны против демонов. Но я так понял, семейство Фёдора взяло начало от моего сбежавшего коллеги, Гермаэля, вот и передают его оружие от поколения к поколению.

Фёдор же подошёл к стене, где были руны, полоснул себя по руке и кровью повторил узор. Он укреплял защиту. Я видел такие символы, они работают, но... если там не стая демонов или не какой-нибудь высший. Против мелких групп и одиночек работает как отпугиватель, что тут в доме есть крупный матёрый полукровка, готовый убивать за детей. А вот для стай превалирующий сигнал, что в доме есть ребёнок, а демонов много и можно пожрать сразу всем... не понимаю, как эти твари жили бок о бок с человечеством. Людей ведь больше, чего их не едят? Ах, у полукровок же есть частичка ангельской сути от предков, это и делает их мясо демоническим деликатесом.

Не спрашивайте, откуда я это знаю. За свои сотни тысяч лет я много видел и не всё хочу вспоминать.

В воздухе ощутимо уже так запахло серой, послышался мощный шорох травы, клацанье клыков, вой, крики, хлюпанье. Я закрыл глаза и прочесал территорию. Стая была из тридцати двух особей. Средние такие, упитанные, но страшно голодные твари. О количестве демонов я сказал Фёдору. И этот огромный мужик под два метра... побледнел, сжал кулаки до тихого хруста костяшек.

— Берите оружие, — смог лишь тихо он сказать.

Антон же, слава всему, не пошёл за оружием. Знал, что не умеет драться, да и всё ещё слабый — будет лишь отвлекать. Оказывается, он умеет мыслить, а не только корчить из себя страдальца.

— Я за Прохором послежу, спрячемся, — сказал он. Я аж горжусь им.

Антон с тихим вздохом усилия поднял Прохора (мальчик весил уже как небольшой телёнок, потому что полукровки всегда тяжелее людей из-за прочных костей и массы) на руки и прижал к себе. Федота прищурилась, смерила Антона взглядом, беря в руки два длинных кинжала, чьи блики мелькали под светом свечей и лампадки у образов.

— Если с ним что-то случится, я тебя живьём сожру, — прошипела девушка и отошла в угол к матери.

Февронья стояла на коленях у образов и крестилась, нашептывая под нос молитву. Не знаю, за здравие или за упо-

кой. Но я благословил всех. Я обещал, что буду рядом. Федота присела к матери и прижалась к её боку. Ефим достал длинный нож, повертел, разглядывая с интересом. Фёдор шикнул, чтобы сын не баловался с оружием.

Антон спрятал меня в карман и унес Прохора в кладовку, где их запер Ефим. В кладовке было темно, темно и тихо. Пахло сушёными травами и старой мукой. Я не видел, что происходит, но чувствовал, что Прохор прижался всем тельцем как котёнок к Антону и что-то тихо прошептал.

— Прощка! — это Ефим прижался к щели кладовки, чтобы поговорить с братом. — Слышишь меня? Сиди с дядей Антоном и не высовывайтесь... пожалуйста, — он звучал как-то грустно. — Антон, ты тоже слышишь... помнишь, я обещал, что буду защищать и тебя. Ты часть семьи. Пригляди за Прохором.

И мне стало страшно за них. А вдруг все умрут? И Антон, и Прощка останутся одни? А если и до них доберутся? Я, конечно, мог поставить барьер, но из-за деревянного сосуда меня бы надолго не хватило. И они бы погибли.

И я умолк, принявшись копить энергию, чтобы суметь помочь, когда они не будут справляться. Это единственное, что я мог сделать... и мне было тошно от осознания. Снаружи приближались демоны. Прохор тихо всхлипнул. И тут лопнуло окно, осколки упали на пол, я почувствовал, как Антон пытается справиться с рвотным позывом от аромата серы, гнилого мяса и крови. Закричала Федота.

В доме началась суматоха. Антон весь сжался вокруг Прохора, трясся как осиновый лист. Слышался лязг оружия, чавканье, какие-то противные визги, крики и хрипы — демоны залезали в дом. Кто-то ворвался со второго этажа, судя по звукам. Фёдор зашипел в ответ и, судя по звукам, выпустил крылья. Я знаю, что полукровки не очень хорошо летают по сравнению с ангелами, но дерутся крыльями лучше, чем иным оружием.

Не знаю, сколько прошло времени. Прохор начал тихо плакать, Антон же нашептывал ребёнку что-то успокаивающее, качался из стороны в сторону. И тут снаружи раздался какой-то протяжный вопль, я узнал голос Ефима и стук упавшего тела на пол. Антон рванул вперёд, но мальчик вцепился в него и не мог отпустить. Антон вновь прижал ребёнка к себе, бледный, трясся и, кажется, не мог сдерживать слёзы. Господи, что там творится? Я дал сосуду немного энергии, чтобы выползти из кармана и погладить Антона по руке. Он не успокоился, но пусть хотя бы знает, что я рядом.

И тут дверь в кладовку вылетела. Антон с Прохором заорали в унисон. До меня донёсся визг Федоты, которая была с матерью в окружении. Антон закрыл собой ребёнка, орал, скалился и плакал. Словом, он выглядел очень жалко, если бы я не знал контекста. Но момент истины настал, когда Антон не заметил, что у него из спины вырвались крылья... Небольшие, слабые пуховые, торчали в разные стороны. Демоны довольно заурчали.

Я понял, что если ещё помедлю, то потеряю их всех. И выбрался из кармана и шлёпнулся на пол. И, собрав все силы, сделал выброс энергии. Помню, что Антон вскрикнул и отвернулся, чтобы не ослепнуть, загородив Прохора собой. Я слышал шорох рассыпающейся демонической плоти, разъярённые крики этих адских тварей. Я держался сколько мог... сознание ускользало от меня. Я... я сделал всё, что мог. Я слаб. Надеюсь, Антон продержится без меня.

Конец записи.

Антон наконец повернулся и увидел, что дом пуст, да и поле. Но взгляд упал на фигурку Рагуэля. Тело ангелочка покрылось сеткой тонких трещин. Он был похож на старую фарфоровую чашку, которую склеили, но не до конца.

Он резко рухнул на пол, бережно взял фигурку в руки, пытался растормошить, гладил пальцем по голове, бормотал под нос. Прохор рыдал от страха. Антон оторвался, чтобы разглядывать ангелочка, и одной рукой прижал ребёнка к себе, гладил по перьям на спинке мальчика. Его всё ещё трясло. Ещё никогда за свои тридцать два года он не был так близко к смерти. Он думал, что быстрее скончается от разрыва сердца.

Антон не сразу понял, что за спиной что-то изменилось. Только когда он перестал задыхаться от страха и увидел, как Прохор смотрит на него с удивлением. Он обернулся — за его спиной торчали молодые коричневые крылья. Пуховые,

беспомощные, но — его.

— Посиди тут, Прошка, — сдавленно сказал Антон, поднялся с места и, прижимая Рагуэля к груди, выглянул из кладовки.

Дом был разнесён в пух и прах. Мебель разбита, стены расцарапаны, пол заляпан какой-то чёрной серной жидкостью, от которой шёл гнилостный запах. Пахло кровью и смрадом. Антон поморщился, но замер, увидев лежащего на полу Ефима. Врач внутри победил страх — Антон кинулся к юноше, перевернул его и принялся ощупывать, осматривать.

Грудь наискосок была процарапана огромными когтями, откуда сочилась кровь. Половину щеки съели, голень тоже была покусана. Антон поморщился, притащил кринку воды и принялся промывать раны. Крикнул Прохора и попросил принести бинты и ту баночку с чёрной жидкостью, карболку.

Антон прижался ухом к груди Ефима, выслушивая слабое, едва заметное сердцебиение и тихое бульканье лёгких. Видимо, тоже пробили. Когда Прохор принёс бинты с карболкой, мальчик уже почти успокоился — к удивлению Антона, который начал всё обрабатывать, промывать, бинтовать. Руки не дрожали — годы практики давали о себе знать.

В дом ворвалась Февронья с перекошенным лицом. У неё был вырван клоч волос, перья с переломами волочились по полу. Антон уже закончил работу и подложил под голову Ефима подушку. Февронья увидела сына и издала какой-то нечеловеческий вопль, кинулась к нему:

— Фимочка! — она почти оттолкнула Антона, прижалась к сыну, утробно урча. — Сыночек мой, — бормотала она, лихорадочно глядя Ефима. Из её глаз текли слёзы, смешиваясь с грязью на расцарапанном лице.

Фёдор вошёл молча, помогая идти Федоте, которая была цела, правда рыжину её волос разрезали седые пряди. Антон не уходил, пошевелил крыльями. Он почти забыл о них. Они были пуховые, молоденькие, с коричневым пушистым оперением. Фёдор встал в углу, опершись на стену. Он тяжело дышал, держался за плечо, где кожа висела лохмотьями. Но он был жив.

Федота рухнула рядом с Ефимом и прижалась к его боку, накрыв крылом.

— Живой, — смогла лишь выдохнуть она и прикрыла глаза.

Прохор забрался к брату на колени, лёг и обвинил его маленькими ручками. Антон не знал, имеет ли он право, но расправил крылья, неуклюже и неумело, положил Рагуэля на грудь к Ефиму, а сам наклонился к юноше и сказал, сжав его ладонь:

— Ты сильный, Ефим, ты нас защитил. Слышишь? Мы живы. Ты спас.

Антон не ждал ответа, но ему показалось, что рука Ефима едва заметно сжалась в ответ. Рагуэль не двигался на груди юноши.

— И тебе, Рагуэль, — обратился он к ангелочку шёпотом,

себе под нос. — Спасибо, что не ушёл...

И замолчал, слушая сдавленные рыдания Февроньи, прихрамывающие шаги Фёдора, сопение уснувшего от переутомления Прохора и едва заметное дыхание Ефима.

Лучи рассветного солнца мягко пробились в окно. Февронья уже уложила Ефима на кровать и мазала его своими настойками. Антон, конечно, недолюбливал все эти народные методы, но препятствовать не стал — он ведь всё ещё тут, если что подстрахует. Прохор уже утихомирился и мирно спал на печи под боком Фёдора, которого Антон вчера зашил и перевязал. Федота спала на лавке, нервно подрагивая во сне.

А он всё ещё держал в руках треснувшую фигурку Рагуэля и ощущал пустоту. Он не знал, вернётся ли Рагуэль, поговорит ли он снова с ним. Он гладил фигурку по голове и бормотал, что Рагуэль обещал не уходить, не оставлять его.

Прижав фигурку к груди, Антон поднялся и едва не рухнул из-за тяжести в спине. Крылья он еле как умудрился сложить, но всё ещё привыкал к ним. Пол с кровавыми разводами скрипел под ногами. Ветер подул из разбитых окон, заорал петух в курятнике.

Стараясь ступать тихо, Антон вышел на улицу и вдохнул свежего воздуха. Крылья непроизвольно расправились в свою небольшую ширину, ловя потоки ветра, шелестели молоденькие перья.

— Ну вот, теперь я точно нелюдь, — улыбнулся он себе и пошёл к забору.

Он не знал, зачем идёт туда, но в доме больше сидеть не мог — страх прошлой ночи всё ещё был силён. Антон сел на землю, аккуратно откинувшись на спину, чтобы не помять крылья. Фигурка в руке молчала.

— Ты знаешь, я думал, что буду рад, что ты молчишь и больше не называешь меня придурком, — хмыкнул Антон и зачем-то вытер глаза, где оказалось влажно. Погладил ангелочка по голове. — Как же я теперь буду? Ты вернёшься? Ты ведь обещал, что не бросишь меня. Ты ведь знаешь, что мне до сих пор страшно...

Он поджал губы, прижав фигурку к груди. Щёки горели от обиды и комка в горле. От него всё ещё пахло кровью Ефима и ночным страхом. Антон сглотнул и вновь посмотрел на ангелочка. Треснувшее деревянное личико ничего не выражало.

— Ты прости меня, дурака, что огрызался... ты ведь хотел как лучше, я понимаю... Спасибо, что спас, — тихо прошептал он. — Я... я постараюсь быть лучше, — улыбнулся Антон. — Слышишь меня, Рагуэль? Я буду лучше. Обещаю. Ты не молчи только... пожалуйста. Скажи, что ты живой. Скажи, что ты рядом. Я тебе кошечек своих разрешу гладить...

И тут его прорвало. Антон ненавидел плакать, но сейчас уже не мог сдержаться. Он не помнил, когда плакал так в последний раз. Может, когда отвергли в стае? Может, когда впервые увидел запой отца? Может, когда увидел слёзы матери? Может, когда лет в десять понял, что он не такой, бра-

кованный? Может, когда понял, что на него зря тратят силы?

Но сейчас слёзы текли по щекам, он почти выл, лёг на землю, свернувшись калачиком вокруг фигурки и укрывшись крыльями. Тридцатидвухлетний мужик, полукровка, валялся в траве у забора и рыдал от всего: от страха после сегодняшней ночи, от накопившихся эмоций, от молчания какой-то фигурки, которая была его другом, кто подбадривал его, поддерживал, слушал его нытьё, осуждал, но не уходил.

— Не уходи... пожалуйста, — тихо сказал Антон, глядя фигурку по голове. Он так кошечек своих не гладил, как сейчас пытался. Фигурка потеплела и вдруг засветилась. Антон резко сел, утирая слёзы и глядя на ангелочка с надеждой. Он почувствовал, как фигурка в руке растворяется и сильнее озаряется светом, тёплым.

Антон прикрыл глаза от яркости, но когда привык и убрал ладонь от лица, смог разглядеть сгусток света и неясные очертания высокой фигуры с крыльями. И вдруг ему стало спокойно. То, что он вытер слёзы, не помогло — они снова начали стекать по щекам, он шмыгнул носом.

— Рагуэль?

Фигура подошла чуть ближе и присела напротив Антона. Он не видел лица, но почувствовал, как большие ладони с длинными пальцами бережно взяли его лицо. Фигура смотрела на него, глаза в глаза.

— Антон Яковлевич, — прозвучал вдруг знакомый голос, но глубже, взрослее, не как у фигурки, но интонация была та

же. Антон улыбнулся, пытаясь разглядеть лицо. — Вы хоть и идиот, но вы мой идиот, — ангел наклонился ближе и поцеловал его в лоб, благословляя. — Живите дальше, я присмотрю за вами, хорошо? — он потрепал Антона по щеке и снова чмокнул его в лоб.

— Рагуэль, не уходи... пожалуйста.

— Вы справитесь, — ласково ответил голос. — Только живите. И кошечек гладь.

— Я хочу, чтобы ты мной гордился. Хотя бы ты, — прошептал Антон, прижавшись щекой к ладони Рагуэля.

Ангел погладил его по голове и сказал, что ему пора. Дальше Антон должен сам. Впереди жизнь. Полукровки живут намного дольше людей, если не убить раньше, так что... они ещё встретятся.

— Ты придёшь? — спросил Антон, когда Рагуэль поднялся на ноги.

— Только когда вы будете нуждаться, но я наблюдаю. Всегда. Ты не один.

И фигура исчезла. Антон лишь почувствовал, как ему в руки упала деревянная стружка, которая раньше была ангелочком. Он глядел на стружку с позолотой и не чувствовал привычного опустошения. Внутри внезапно стало спокойно, словно внутренний шторм улёгся и стал штилем. Антон сглотнул и выдохнул, прижав стружку к себе.

Посидев так несколько минут, он поднялся с земли и пустил стружку по ветру, глядя, как маленькие частички уно-

сятся потоком воздуха. Он не видел стоящую на крыльце Февронью с синяками под глазами, да и не знал, что утром все в доме вдруг вздохнули с облегчением.

Первое, что Антон почувствовал, очнувшись, это был запах перегара. Он поморщился, отодвигая запах от лежащей рядом пустой бутылки с коньяком. В комнате было тихо, пахло пылью, алкоголем и выкуренными сигаретами, а теперь ещё и полукровочным запахом Антона: озоном, ладаном и ежевикой.

Он повёл плечами, чувствуя, как маленькие крылышки за спиной встревоженно хлопнули. Антон приняхался — пахло так, словно тут ночевал пьяный полк гусар, который умудрился устроить погром и наораться до немоты. Потухший камин, благо, что ещё фарфоровые кошечки на привычных полках не тронуты.

Но Антон помнил всё. И месяц в доме семейства полукровок. И поле, и лампадки у образов, и руны, и Прохора с Федотой, и Фёдора с Февроньей, и смех Ефима, и кровь демонов, и деревянную стружку фигурки на руках. Он помнил и слова Рагуэля, которые въелись в подкорку.

— Что тут... стряслось? — проворчал Антон, морщась от головной боли, которая ударила обухом. Перед глазами поплыло. Он простонал, зажмурил глаза, чтобы не видеть пляшущих белых пятен. Во рту было сухо и явно не очень приятно пахло. Антон еле поднялся и дотащился до умывальника, куда сплюнул. Набрал в руки ледяной воды и плеснул на

лицо. Наконец, собравшись с силами, он поднял взгляд на отражение. Он видел себя... без пенсне. Оно валялось под столом, треснувшее.

Антон вглядывался в собственное отражение и понял, что не боится, а даже улыбается своими чуть удлинёнными клыками на обеих челюстях. Да и выглядел сам он уже не болезненным, а вполне себе крепким, загорелым, на руках коготки, которые он принялся аккуратно подпиливать. Крылья довольно двигались за спиной.

На кухне гремела посуда, слышались какие-то голоса. Антон втянул носом запах и чуть не расплакался: Авдотья готовила его любимую кашу, да и пар от самовара. Но среди привычных запахов он обнаружил и ещё один неизвестный — озон, ладан и старое дерево. Антон нахмурился, вновь принюхался (благо полукровочное обоняние позволяло) — нет, запах был ровным, спокойным, и, судя по ритму шагов, на кухне внизу было как минимум двое.

Он узнал шаги Авдотьи — шаркающие, валкие — и ещё какие-то, лёгкие, плавные. Такие шаги были у всех в семье Ефима, даже у Прохора, который умудрялся носиться со скоростью звука и влезать на дерево, как шаловливый котёнок. Антон улыбнулся воспоминаниям о сне, вытащил сюртук. И у него заняло минут пять, чтобы аккуратно сложить крылья за спиной и не помять чувствительное оперение жёсткой тканью сюртука.

— Ладно, — глянул он на себя в водичку из умывальника

в тазике, пригладил волосы рукой. — Я теперь симпатичная загорелая нелюдь. Загрызу Авдотью, если за сало ругать будет, — хмыкнул он себе и вышел из комнаты.

Запах с кухни усилился по мере приближения, старая, выкрашенная лаком лестница скрипела под ногами. Из открытых ставней первого этажа доносился запах августовской травы, аромат стоящего под окнами курятника. Авдотья что-то уронила на кухне и выдала огромную тираду, от которой у Антона всегда уши сворачивались в трубочку. В ответ на её тираду раздался громкий смех. Мужской.

Антон резко распахнул дверь на кухню, обводя глазами помещение. Он не был готов, чтобы к нему приходили с утра. Только вот... это явно был пациент.

— А, неуч, эт к тебе с утреца, — кивнула Авдотья на незнакомца.

Антон уже открыл рот, но замолк, разглядывая мужчину. Выглядел он как столичный щеголь: в светленьком сюртуке, с нагрудным платком, золотистой цепочкой часов. Лицо было странно знакомым, миловидное, чуть вытянутое, голубые глаза смотрели на Антона с озорством. Незнакомец был загорелым, светлые волосы — выгоревшими, да и сама его довольно крепкая комплекция и высокий рост выдавали в нём работягу, пусть и с деньгами на тряпки. И от него пахло тем самым незнакомым запахом из озона, ладана и старого дерева. У ног незнакомца стоял дорожный обшарпанный саквояж, к подлокотнику стула приставлена трость с золотистым

набалдашником.

Антон замер чуть ли не с открытым ртом. «Это ещё кто таков?.. Зачем припёрся? Здоров, как бык? Или... ну как эти столичные всякие, кому скучно, чисто за единением с природой. Не дай бог, Авдотья его ко мне заселит. Только бы это... не жило со мной. Оно меня сожрёт!» — начал он по привычке накручивать себя, но выдохнул и заставил себя улыбнуться.

— Здравствуйте, вы ко мне? — вежливо поинтересовался он, стараясь не показывать подозрение.

Незнакомец расплылся в дружелюбной улыбке, встал во весь рост. Авдотья уже вышла во двор гонять кур, которые норовили зайти на крыльцо и нагадить.

— Ну, Антон Яковлевич, вы что ж? Не признали? — спросил незнакомец до боли знакомыми голосом и интонацией. Антон узнал их и застыл с раскрытым ртом, не в силах вымолвить. — Антон Яковлевич, я же обещал, что буду следить, — подмигнул незнакомец. — Как же я вас, своего идиота, одного оставлю? Вот и решил прийти, — довольно улыбнулся мужчина, уперев руки в бока.

— Р-Рагуэль? — тихо спросил Антон.

И замолк. Он не верил своим глазам. Но запах... он понял, почему запах не вызывал у него тревоги. Старое дерево... это было как раз в духе ангелочка. А вот мужчину он видел впервые, однако словно знал его всю жизнь.

— Здравствуйте, мой идиот, — развёл ангел руками. —

Соскучились?

Антон вновь открыл рот, но слова застряли. По щеке медленно скатилась слеза, которую он машинально утёр. Лицо перекосило от кривоватой, искренней улыбки.

— Очень.

— Это поправимо, Антон Яковлевич, — Рагуэль усмехнулся и первым сократил расстояние, крепко обняв, стараясь не давить на крылья Антона под сюртуком. Прижал к груди, как старого друга. Антон на секунду замер — он не привык к объятиям, но запах, уже словно ставший родным, успокаивал.

Он медленно поднял руки и положил их на спину ангела, сжимая светлую ткань пальцами. Его немного трясло то ли от похмелья, то ли от переизбытка чувств, а из груди вырвалось урчание, которому он научился у семьи Фёдора.

Антон вслушивался в мерное, глубокое сердцебиение Рагуэля, втягивал носом запах, слушал чужое ровное дыхание. С улицы донёсся запах свежего навоза и куриного помёта — Авдотья уже вовсю орала и гоняла кур по двору.

— Почему ты здесь? — наконец пробормотал Антон в грудь ангела.

Рагуэль немного отстранился, глядя ему в глаза.

— Так я же обещал. Вот выполняю. Буду следить. Теперь уже всегда, — подмигнул ему ангел и вновь обнял, заурчав в ответ.

Антон не стал спорить и просто принял. Он больше не

один.

— Как... как теперь тебя будут звать? — невпопад спросил Антон, слабо улыбнувшись. — Не могу же тебя звать Рагуэль. Они и так чокнутым меня считают. А тут ещё и перья, и это, и то, и другое...

— Успокойтесь. Что ж вы такой нервный с утра?

— Я проснулся с похмельем после того, как во сне жил почти месяц, да ещё и крылья отрастил. Главное, чтобы Авдотья не увидела, иначе на суп пустит.

Рагуэль фыркнул, а потом засмеялся. Антон чувствовал эту вибрацию, прижимаясь к ангелу. Ему всё ещё было немного неловко от такой близости, но это хотя бы живой человек, пусть и ангел...

— Не знаю пока, — честно признался Рагуэль. — Я пока не думал над именем.

— Но ты придумал себе костюм, как у денди, который зажрался в столице и приехал в деревню сводить с ума местных доярок. А на имя ума не хватило? Ты же ангел!

Ангел вновь засмеялся, отстранился и похлопал Антона по плечу, указывая на стол, где дымилась ароматная кашка и стоял заваренный чай с любимыми тремя ложками сахара.

— Буду Романом, — с крайне серьёзным и задумчивым видом выдал ангел, почесывая подбородок, где даже щетины не было.

Антон машинально провёл по своему лицу, где топорщилась небритость, хотя ранее он всегда крайне трепетно сле-

дил за внешним видом. Сегодня был день-исключение из правил.

— Романом... Антоновичем. Как вам? А фамилия... я даже не знаю ваших фамилий, — Рагуэль действительно задумался, перебирая в своей тысячелетней памяти человеческие имена и фамилии. Антон же едва не поперхнулся, услышав выбранное отчество, а сейчас хотел заржать — такое смешное лицо было у Рагуэля в момент задумчивости. — Я придумал! — важно поднял ангел палец. — Пусть будет Столяров. Фигурку ведь Ефим вырезал. Как столяр. А я в деревянном сосуде принадлежал столяру. Буду ныне Роман Антонович Столяров.

И вот Антон не сдержался и начал ржать, подавившись чаем. Это было настолько абсурдно, что он не знал, куда себя деть. Рагуэль же, видимо, воспринял этот смех в свой адрес и, слегка покраснев, отвернулся, явно обидевшись. Скрестил руки на груди.

Антон встал с места и положил ему руку на плечо, заставил посмотреть на себя.

— Ты чего? Просто это смешно, — криво улыбнулся он. — Не хотел обидеть. Правда. Извини. Не буду смеяться... ну только по праздникам.

Рагуэль смерил его взглядом, фыркнул, но сменил обиду на милость. И улыбнулся в ответ:

— Идиот, идите ешьте. У вас всё стынет уже.

У Антона отлегло в груди. Теперь он точно никогда не бу-

дет один. И тень Антона была на месте, полноценная, с большими здоровыми крыльями, которые обещали вырасти.

Следующие дни Антон привыкал к Рагуэлю. Ангел был крайне любопытным и с каким-то божественным интересом изучал быт подопечного. Он даже умудрялся пробираться к Антону и смотреть, как тот пытается влезть в старый сюртук, который уже не налезал, Антон ведь батрачил почти месяц в хозяйстве при доме Федора, загорел, набрал вес и мясо, став похожим на нормального мужика.

Естественно Антон тосковал по своему песне, Рагуэль притащил ему какое-то декоративное и подарил с новой фарфоровой кошкой. От вида фигурки, Антон сразу сменил гнев на милость и принял подарок, принялся тщательно искать место для котика в коллекции.

— Вы и правда так одиноки? — как-то вечером спросил ангел, сидя на кровати Антона, где тот развалился без рубахи, выпустив крылышки, которые начали крепнуть и потихоньку расти. Ангел медленно, почти медитативно проводил пальцами по его перьям и крыльям, разминал, убирал колтуны. Антон тихо урчал в ответ — он вымотался после объезда деревень, да и старика с лихорадкой принял вечером.

— У меня есть ты, — пробормотал в ответ Антон, не поднимая лица от подушки. Рагуэль хмыкнул в ответ, взял с тумбочки специальную щетку, которую притащил с собой в саквояже, и принялся чесать перья дальше. — Если бы ты хотел, ты бы ушел... правда ведь? А так ты тут... терпишь

меня.

— Вы мой подопечный, я за вас отвечаю.

— Да... — угукнул Антон и заснул. Рагуэль закончил вычесывать ему крылья, осторожно сложил их на загорелой и окрепшей спине подопечного, погладил и пошел к себе. Теперь у него была вечность впереди, чтобы следить за своим идиотом, который наконец-то становился тем, кем должен был быть. Полукровкой.

Через две недели закончились мелкие вещи и Антон, скрепя сердце и пытаясь еле как застегнуть тесный сюртук, потащился на рынок. Рагуэль же увязался за ним.

— Ты за мной хвостиком теперь ходишь? — буркнул Антон, быстро шагая по дорожке, чувствуя, как тесные штаны давят ноги, и стараясь не дышать слишком глубоко, дабы пуговицы еще держались на рубаше. Рагуэль шел рядом, игриво покачивая тростью и выглядел, как денди на прогулке.

— Да, буду. И вы еще спасибо скажете, — отозвался ангел, глядя на Антона. — Вы же все там скупите, как обычно. Вам не нужны ни гвозди, ни верёвки, ни тем более тот захудалый чай в красивой упаковке. Если надо, я достану лучше.

— Ты меня балуешь и унижаешь одновременно.

— Для этого и есть хранители, — пожал плечами Рагуэль, оглядываясь по сторонам. Он сменил тему. — Вы ведь зайдете к портному? Больно смотреть, как вы в этих тряпках двигаетесь.

— Молчи вообще. Ты ангел, да еще и одеваешься так, что

у меня жалование плачет.

— Вы просто тратите все на котиков.

— Не смей! — прошипел Антон. — Котики — это святое.

— Так и я тоже, — галантно улыбнулся Рагуэль, потрепав подопечного по голове. Антон зашипел громче, обнажив клыки, но руку ангела не убрал. Рагуэль хихикнул и пошёл быстрее.

В мелочной лавке их встретил Никифор Савич. Увидев Антона, лавочник удивился.

— Батюшки, — хлопнул он в ладоши. — Да вас не узнать, Антон Яковлевич! Неужто вы наконец-то есть начали? Смотри-ка, рубаха вся дырками пошла.

— Никифор Савич, — улыбнулся ему Антон, понимая, что рад этому родному голосу. — Да я по делам заскочил. Вот... — он оглянулся на Рагуэля, который с любопытством все осматривал. — Это мой друг, Столяров. Роман Антонович.

Рагуэль поднял на лавочника глаза, смерил его взглядом и вернулся к изучению товаров.

— Что-то он не очень-то дружелюбный, ваш друг-то. Из столичных небось? — прошептал Никифор Савич на ухо Антону. Тот хмыкнул и бросил на Рагуэля взгляд.

— Как вам сказать, Никифор Савич? Он...он специфический.

— Это я уже понял, пахнет от него...странно, — принялся лавочник. — Да и от вас тоже, — глянул он на Антона.

Тот махнул рукой и просто купил себе сахара с чаем.

Когда они вышли из лавки, Рагуэль глянул на купленную заварку. И спросил, Антон правда это пьёт.

— Да, пью. Мне нравится. А что?

— Выбор сомнительный, — фыркнул ангел.

— А ты, я смотрю, чайный сомелье.

— Не сомелье, а ангел, Антон Яковлевич. Мне тысячи лет.

Вы думаете, я не разбираюсь в чае?

— Рагуэль, это просто чай, я же не заставляю тебя его пить. Ты наверняка только божественной амброзией питаешься, — сказал Антон, держа путь к портному.

— Ошибаетесь, Авдотья мне пироги свои замечательные скармливает. А на вас она жадничает?

— Это ты меня пытаешься заставить ревновать к пирогам Авдотьи? — Антон остановился и поднял бровь с вопросом. Его тошнило от пирогов хозяйки... но тон Рагуэля, этот самодовольный голос, его бесил. — Серьезно?

— Просто говорю, — лукаво улыбнулся Рагуэль, поигрывая тростью. Набалдашник пускал яркие блики на солнце. — Меня кормят пирогами... а вас нет.

— Тварь ты... пусть и божественная, — пробурчал ему вслед Антон. За пироги было обидно.

— Зато ваша. А вы просто пернатое недоразумение!

— Мудак.

— Идиот.

— Да ты меня уже достал! — покраснел Антон от возму-

щения, чувствуя, как крылья распушаются под сюртуком, а коготки стали острее. Рагуэль остановился и вернулся к Антону, наклонил голову, так как подопечный был ниже ангела на полголовы. Антон даже при своей новой комплекции, более крепкой, был ростом небольшой, около пяти футов и семидесяти семи дюймов (176 сантиметров), ну а ангел был шесть футов и семнадцать дюймов (188 сантиметров). Рагуэль глянул ему в глаза.

— Слушайте, Антон Яковлевич, — спокойно сказал ангел. — Вы же взрослый человек. Понимаете же, что я подшучиваю и не имею цели вас оскорбить?

— Я не тупой.

— Знаю. Вы отличный врач и специалист, но относитесь к вещам проще. Я вам помогу, но в основном вы. Учитесь, — улыбнулся Рагуэль, чмокнул Антона в лоб и пошел дальше, оставляя подопечного стоять посреди рынка с кульком сахара и с крайне недоумевающим видом. А вот за чай и правда было обидно. Антон посмотрел на упаковку с чайной заваркой и поджал губы. Он этот чай с университета пьет, а тут этот пернатый нахал его любимое комментирует.

Ладно, чай он еще простит, но если Рагуэль скажет что-то о кошках... Антон бы не сдержался и выцарапал бы ему перья сам. И, кажется, Рагуэль это знал, потому что вечером, после снятия мерок у портного, Антон на столе в аккуратной обертке нашел новых пять котиков.

Глядя новые фигурки, он довольно урчал, выпустив кры-

ля, уже и подзабыл, за что злился днем на Рагуэля. Кажется, этот ангел с ним теперь на ближайшую вечность.